

Эдуард
ТОПОЛЬ



Кремлевская жена

Эдуард Владимирович Тополь

Кремлевская жена

Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171127

Эдуард Тополь. Кремлевская жена: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-026048-5, 978-5-9713-8700-8

Аннотация

Таинственное покушение на первую леди нашей страны...

Покушение, на первый взгляд не имеющее ни мотивов, ни логики, ни смысла... Что это? Это – загадочные хитроspлетения кремлевских заговоров. Это – невероятные приключения в лабиринтах власти. Это – юмор там, где его не может быть, и интриги там, где быть их никак не должно. Это – подлинный политический детектив Новой России!

Роман опубликован в США, Германии, Японии, Голландии и других странах.

Содержание

День первый	4
1	4
2	29
3	61
День второй	69
4	69
5	80
6	96
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Эдуард Тополь

Кремлевская жена

День первый

Пятница, 9 сентября 1988 года

1

15.40

Она откинула вуаль шляпки, сняла темные очки и спросила:

– Вы меня знаете?

«Идиотка какая-то, – подумала я, – ну кто в наше время носит шляпки с вуалью!»

Но странная узнаваемость ее по-татарски округлого лица уже поразила меня, словно я сотни раз видела эти бледно-серые глаза, этот курносый нос и короткий рыжий перманент прически... Где же? Когда?..

– Меня зовут Лариса Максимовна Горячева. Вы разрешите войти?

Наверное, от изумления у меня отвисла челюсть, как у врожденной дебилки. Лариса Горячева – ко мне?!

Грязная половая тряпка в руках, заткнутый за пояс подол юбки, мокрые босые ноги и идиотское выражение моего лица все-таки задержали Горячеву на пороге, она спросила:

– Вы Анна Ковина, не так ли?

Я тупо кивнула:

– Да... я...

Тяжелая капля упала с тряпки мне на колено, и я всей кожей ощутила, как она катится по ноге и как гостья следит за ней. Затем Горячева с некоторым сомнением осмотрела меня снизу вверх и перевела взгляд на комнату, если, конечно, можно назвать комнатой мою чердачную клетушку с косыми балками, подпирающими низкий и плохо побеленный потолок. Но что можно снять за сорок рублей в месяц у этих полтавских куркулей? К тому же сегодня у меня как раз отгул за два ночных дежурства по угро, и я затеяла уборку. Слава Богу, хоть лежак, который стоит на кирпичиках, накрыт красивым покрывалом, сшитым из заячьих и лисьих лапок, – моя память о работе на Крайнем Севере¹. И на этом покрывале, возле подушки, сидит большой плюшевый медвежонок, которого я таскаю повсюду со студенческих лет... Но остальное – тумбочка, стул, табурет, гладильная доска и кривой торшер с рыжим абажуром – все сдвинуто в угол, к комоду. А больше никакой мебели у меня нет, три вешалки с юбками и блузками да парадный китель с погонами старшего лейтенанта милиции просто висят на гвоздях, вбитых в потолок.

¹ О работе Анны Ковиной на Крайнем Севере см. роман «Красный газ».

ные балки. Да в углу – два ящика из-под пива покрыты куском листового железа, и на этом железе стоит электроплитка – вот и вся моя кухня...

Наверное, именно милицейский китель да пистолетная кобура, лежавшая на комодке рядом с лифчиком, убедили Горячеву в том, что я – это я, Анна Ковина, старший следователь Полтавского городского уголовного розыска. Она чуть пригнула голову в низкой двери и вошла, а я очумело метнулась по недомытому полу к комоду, выдернула верхний ящик и одним жестом мокрого локтя ссыпала в него все, что на этом комодке лежало, – лифчик, кобуру с пистолетом, тушь для век и еще какую-то косметику. Затем – через «Извините!» – быстро – поспешный шаг к стоящему посреди комнаты ведру с грязной водой, хватаю его за дужку, выношу из комнаты на лестницу и только там оправляю на себе юбку, слышу снизу, из квартиры хозяйки, бубнящий «Голос Америки», утираю плечом какую-то паутину со щеки и на всякий случай быстро трясую головой из стороны в сторону – уж не померещилась ли мне эта Горячева?

Но, вернувшись в комнату, убеждаюсь – не померещилась. Больше того, она уже освоилась тут, подвинула табуреточку от комодка к окну и села, расстегивая верхние пуговицы серого летнего плаща, который был ей явно велик. При этом взгляд ее – быстро и настороженно – за окно, вниз, на улицу...

Я тоже выглянула в окно. Неужели она пришла пешком?!

Наша тихая и сонная улица была пуста, только поодаль, на углу Карла Либкнехта, в теплой пыли спала, нажравшись свежееповавших каштанов, худюющая, как собака, свинья моей хозяйки Розка. А по мостовой шла чья-то гусыня, покачиваясь и побряхтывая, как старая еврейка, – вела свой выводок в заросли крапивы. За этими зарослями был обрыв с видом на яблоневые садики, тихую речку Ворсклу и белую беседку, в которой когда-то сидел перед Полтавской битвой не то Петр Первый, не то Карл Девятый. Но сейчас и беседка заросла бурьяном, и все выглядело непотревоженным и сонным, как обычно. Даже соседские собаки лениво дремали в тени своих будок, не обращая внимания на назойливых жирных мух. А ведь если бы здесь появилась машина (тем более – полагающийся Горячевой правительственный лимузин!), то не только я услышала бы мотор, но и вся улица высыпала бы из своих беленных известкой хат, не говоря уж о собаках...

Лишь теперь я взглянула на туфли Ларисы и мысленно выругала себя маточком. Следователь называется! Светлые туфли-лодочки Горячевой в таком густом налете пыли, что можно и не смотреть на улицу! Конечно, она пришла пешком, причем не из-за угла, где могла оставить машину, а издалека. Черт возьми, неужто она шла пешком от центра – из обкома партии? Но почему?!

Я мысленно представила, как она идет по полтавским улицам в этом слишком длиннополом плаще, в шляпке с вуалью, в темных очках и в белых на каблучках лодочках – по сухой

жаре, смешанной с пылью мостовых, кое-где развороченных из-за вечного ремонта. Мимо остервенелых очередей возле каждого магазина... Мимо шпаны, шляющейся по улицам от безделья или кайфующей от наркотиков и самогонки... Только полное отупение наших полтавчан могло позволить Горячевой пройти неузнанной. И даже не отупение, а, если быть точной, дофенизм – новое словечко, произведенное от слов «до фени». Этим летом пустынные магазинные полки и уже полный и повсеместный хозяйственный бардак в стране выпарили в народе последние надежды на перестройку, и теперь людям настолько все стало до фени, что они ходят по улицам от одной очереди к другой, как сомнамбулы, – не видя друг друга, а запоминая лишь приметы того, за кем они заняли очередь: тут – за маслом, там – за зубной пастой, в третьем месте – за помидорами. Даже на Ларису Горячеву никто не обратил внимания! Хотя она – именно она, больше, чем сам Горячев, – уже давно стала эпицентром всех анекдотов и всеобщей ненависти!

Все еще глядя на запыленные туфли своей неожиданной гостью, я пыталась собраться с мыслями. Разве было сообщение о приезде Горячевых на Украину? Нет, иначе нас, милицию, подняли бы по тревоге еще как минимум за неделю до их появления, и мы стремительно и без церемоний чистили бы улицы от алкашей, наркоманов, рэкетиров, бродяг, бомжей, спекулянтов, хиппарей и фарцовщиков, запихивая их в КПЗ, колонии и прочие ИТУ – исправительно-трудовые

учреждения. И в магазинах появился бы кое-какой дефицит как свидетельство заботы местного начальства о нуждах трудящихся, и на мясные талоны стали бы продавать не только кости, но даже мясо, а уж воду-то наверняка дали бы в водопровод не раз в неделю, а каждый день, чтобы к приезду правительства население не воняло недельным потом...

Между тем Горячева с неловкой улыбкой сняла с ног туфли и, нагнувшись, потеряла ступни. Для ее возраста у нее были замечательные ноги, ну просто кегельные! Но на ступнях, возле больших пальцев выпирают косточки. «Отложение солей – болезнь стариков и солдат», – почти механически подумала я и мысленно поздравила себя с тем, что возвращаюсь к логическому мышлению. Именно эти косточки на ногах Горячевой почему-то сразу сняли с меня чувство неловкости за свою комнату и свой затрапезный вид. Я даже вспомнила, что в «Тканях» на углу Фрунзе и Шевченко завмаг отложила для меня шесть пакетов болгарских ниток «мохер», но если через полчаса я не приду за ними, то она будет вынуждена продать их, чтобы ее не прихватил ОБХСС или народный контроль. Но уйдет ли эта Горячева через полчаса?

– Извините, – сказала она. – Вы не дадите попить что-нибудь? – И опять с сомнением оглядела мою комнатку: холодильника у меня не было, водопроводного крана – тоже.

– Конечно! Минуточку!.. – Я метнулась к тумбочке, достала чашку и бегом спустилась во двор – там у нас водо-

проводная колонка. Если в колонке есть вода, загадала я, то, значит, это я, дура, каким-то образом прошляпила сообщение о приезде Горячевых. Или мой шеф майор Тимощук не захотел отрывать меня от охоты за ворами автомобильных покрывал – три дня назад эти гады свистнули все четыре колеса с «Волги» самого председателя Полтавского горисполкома!

Конечно, воды в колонке не было, хотя я старательно покачала ручку. А из-за тына, из открытых окон соседней хаты старика Гринько доносился голос киевского радиодиктора:

«В Москве Военная коллегия Верховного суда СССР закончила оглашение обвинительного заключения по уголовному делу в отношении бывшего заместителя министра внутренних дел СССР Юрия Чурбанова и еще восьми генералов узбекского министерства...»

Я усмехнулась: всего три года назад молодой, грудастый генерал Чурбанов, зять Брежнева, приезжал в Воронеж инспектировать нашу милицейскую академию, и, Боже мой, как ходили перед ним на «цырлах» даже старые милицейские зубры-профессора и начальники кафедр! А теперь этот самый Чурбанов – на скамье подсудимых...

А в голове билось: «Господи, Горячева! Ко мне! Зачем? А тут даже воды нет!»

Тут я принялась – вместе с голосом украинского диктора из окон соседней хаты выплывал прогоркло-приторно-кислый запах. Конечно! Опять этот старый Гринько гонит

картофельный самогон! Сталинский живоглот! Я уже шесть раз его предупреждала! Но знает, сука, что я не стану стучать на соседа, и вот – наглеет. Тем более что у него старший сын – майор воюет в Афганистане и старик в любой день может получить похоронку...

Я еще покачала ручку водопроводной колонки, но – без толку. Я ринулась к Лидии, хозяйке моей хаты. Этой прохиндейки, конечно, дома нет – она целыми днями ошивается в очередях за импортным дефицитом, чтобы прокормить четверых детей, прижитых по дружбе народов от курсантов местного летного училища. Но дети всегда дома и сами себя обслуживают. Вот и сейчас два младших сына Лидии – близнецы-палестинцы Василь и Русланчик – голяком сидели на кухне на горшках, а десятилетняя египтянка Маруська жарила им картошку на свином сале, и раскаленная сковорода шипела и швыряла вокруг себя горячие брызги.

– Маруська, я за водой! – сказала я, пробегая через кухню к ванной-туалету. Вообще по детям Лидии можно судить о развитии наших международных отношений: пятнадцать лет назад в Полтавском летном училище учились одни кубинцы, в результате старшая дочь Лидии Оксана родилась смуглой и большеглазой и уже сейчас с успехом заменяет свою мать на танцплощадке того же училища и в кустах вокруг него. После Оксаны у Лидии родился мелкокалиберный вьетнамец Степан (в прошлом году она спихнула его в суворовское училище), затем египтянка Маруся, а три года назад мои лю-

бимчики – близнецы Василь и Русланчик. Правда, нынешнее потепление советско-израильских отношений приводит Лидию в беспокойство, и она периодически орет Оксане: «Имей в виду, если сюда жида приедут учиться, я тебе дырку сразу зашью!» Но пока израильские летчики учатся неизвестно где, Оксана и без них сделала уже два аборта и теперь, отходя от последнего, валяясь на диване в гостиной, смотрела киевское телевидение и одновременно слушала «голоса из-за бугра»:

«Проживающий в США, штат Вермонт, лауреат Нобелевской премии Александр Солженицын получил телеграмму от советского комитета „Мемориал“ с приглашением войти в состав общественного совета по руководству созданием мемориального комплекса жертвам сталинских беззаконий и репрессий...»

В туалете прямо в ванне стояли два ведра, корыто и стеклянные банки с запасенной впрок водой. Зеленые мухи влетали в открытое окно и спешили на кухню, на запах жареного.

Маруська крикнула мне из кухни:

– Мать за маслом стоит. Ты масло возьмешь за мохер?

– Не знаю! – крикнула я в ответ, в сомнении осматривая черпак, лежащий на прикрытом фанеркой ведре. И снова крикнула: – У вас черпак мухами засиженный!

Маруська не ответила, а я зачерпнула воду из ведра своей чашкой, сполоснула ее, вылила в ванну и набрала снова –

теперь уже полную чашку.

«— Станет ли Киев безалкогольным городом? — по-украински сказал телевизор в гостиной, заглушая уплывший куда-то по волне „голос“. — Слухи о том, что с нового года в Киеве прекратится продажа спиртных напитков и табачных изделий, можно сейчас услышать везде: в магазинах, на рынках, в общественном транспорте...»

Осторожно неся через кухню полную чашку воды, я спросила у Маруськи про Василя и Руслана, которые тужились на горшках и от напряжения выпучили на меня свои и без того выпуклые глаза:

— А их отец мусульманин или христианин?

— А хто знае! А шо? — сказала Маруська, размешивая картошку в сковородке и отскакивая от брызг горячего свиного сала.

— А мусульмане сало не едят...

Шмель полз по бронзовому плечу Русланчика, и Василь что есть силы шлепнул его ладонью — аж расплющил. И захохотал победно. А Русланчик заплакал...

— То жиды сало не идят, — сказала мне Маруська. — А нам можно...

Мне было некогда спорить с ней, я поднялась по лестнице к себе на чердак, стараясь не расплескать воду.

— Спасибо, — сказала Горячева. — Извините, я не знала, что так далеко...

— Ничего... — сказала я. — Пожалуйста...

Она внимательно осмотрела чашку, но воду выпила с жадной, утерла кулачком края губ и впервые улыбнулась:

– Спасибо... Вы, конечно, гадаете – с чего это я свалилась на вашу голову?.. Садитесь, пожалуйста...

Я села на стул.

– Вы читаете по-английски? – спросила она.

– Ну... – замялась я. – В общем, да...

Год назад я с отличием окончила Воронежскую милицейскую академию, и, конечно, по английскому в моем дипломе тоже стоит пятерка – на экзамене я без словаря переводила «Тома Сойера». Но это вовсе не значит, что я могу в подлиннике читать Шекспира.

Горячева расстегнула свой плащ и достала из внутреннего кармана чистый плотный конверт, протянула мне:

– Почитайте...

Конверт был без адреса и без марки, незапечатанный, внутри лежала аккуратно сложенная газетная страница на английском языке. «ENGLEWOOD WEEKLY NEWS» – прочла я название газеты и вопросительно поглядела на Горячеву.

– Разверните... читайте... – сказала она.

Я развернула газетный лист, он был размера «Московских новостей» или «Недели», но выглядел совершенно иначе, чем наши газеты. Половину страницы занимал гигантский заголовок:

OUR LOCAL PSYCHIC PEERS INTO NEXT YEAR
– MONTH BY MONTH²

И затем шли предсказания, которые я медленно переводила сама себе:

«ФЕВРАЛЬ: Восстания в Израиле и Тибете; гигантский взрыв на Кипре.

МАРТ: «Мисс Америкой» станет брюнетка из Техаса; суд над крупным чиновником из Белого дома; в Европе арестуют советских шпионов; на Кавказе и в Израиле – кровь, смерть, восстания.

АПРЕЛЬ: На праймериз победят Буш и Дукакис...»

Я взглянула на дату в газете «December 24, 1987» – значилось под газетным заголовком. Черт возьми, если это не фальшивка, то этот прорицатель просто гений: кажется, в феврале действительно началось восстание палестинцев в Израиле, а в марте – это я уж помню точно! – в марте на Кавказе, в Сумгаите, азербайджанцы резали армян, потому что армяне потребовали вернуть Армении Нагорный Карабах, который Сталин подарил Азербайджану в двадцатые годы. А в апреле в США определились претенденты на Белый дом – Буш и Дукакис, мы это недавно прорабатывали на политчase...

– Прочтите на другой стороне, – сказала Горячева, пристально следившая за моим лицом.

² Предсказания на 1988-й. Наш местный медиум заглядывает в будущее – месяц за месяцем.

Я перевернула газетную страницу. Здесь под гигантским заголовком:

ENGLEWOOD PSYCHIC GIVES YOU —
MONTH BY MONTH —
WINDOW ON THE FUTURE!³

шло подробное, по месяцам, изложение предсказаний. И первое, что бросалось в глаза, – предсказания на август и сентябрь, обведенные красным фломастером:

«АВГУСТ:

Крупные забастовки в Польше.

Генерал Ярузельский вступит в переговоры с Валенсой.

В США произойдет скандал вокруг кандидатуры на пост вице-президента.

В авиакатастрофе погибнет глава мусульманского государства.

СЕНТЯБРЬ:

В Москве будут судить генерала, родственника бывшего советского лидера.

Черный король бокса попадет в автомобильную аварию.

Ужасный ураган разрушит восточное побережье Мексики.

Израиль выведет в космос спутник.

В Москве произойдет покушение на Михаила и Ларису Горячевых...»

³ Энгелвудский медиум дает вам – месяц за месяцем – окно в будущее!

Последние строки были подчеркнуты трижды.

Я подняла глаза на Горячеву: сегодня 9 сентября, уж не собирается ли Горячева прятаться на моем чердаке от этого покушения?

– Вы все поняли? – сказала она.

– Что именно? – спросила я на всякий случай.

– Ну... – Она нервно дернула головой. – После того как вы прочли предсказания на прошлые месяцы, вы поверили этому предсказанию?

Нужно сказать, что я действительно не усомнилась в нем, хотя обычно ко всяким гаданиям и пророчествам отношусь с презрением. Однако в ряду уже сбывшихся пророчеств – восстание палестинцев в Израиле, волнения в Польше и Армении, скандал вокруг избранника Буша на пост вице-президента, суд над Чурбановым – в ряду этих пророчеств, сбывшихся точно по расписанию, предсказание покушения на Горячевых вовсе не выглядело дешевой газетной фантастикой. Честно говоря, в запуск израильского спутника я меньше поверила, чем в это покушение.

Но я сказала уклончиво:

– Ну... нужно все-таки подождать – запустят ли израильтяне спутник...

– Запустят, – хмуро сказала Лариса и встала. Под плащом на ней был какой-то зеленый сарафан в косую желтую полоску – некрасивый и с явно завышенной талией. – Наша разведка точно знает: ровно через неделю израильтяне запуска-

ют первый спутник... – Она нервно прошла по комнате. – А поскольку мы идем сразу после этого пуска, то... У нас есть только неделя...

«Как бы она не наткнулась головой на косую потолочную балку», – подумала я, но тут Горячева круто повернулась и буквально выстрелила в меня вопросом:

– Только неделя – вы понимаете?! Вам когда-нибудь приходилось жить под дулом пистолета?

– Ну чтобы жить – нет... – сказала я. – Но пару раз в меня стреляли...

Она продолжала пристально смотреть на меня, я объяснила:

– Ну, один раз в Сибири во время ненецкого восстания... А второй – здесь, на Украине, при аресте банды рэкетиров...

– Да, я знаю, – сказала Горячева и опять пошла по комнате. – Но это не то. Вы были в деле, в операции, вы знали своих противников... А здесь... – И вдруг резко оборвала себя, спросила в упор: – Скажите, вы за нас или нет?

Кажется, в этот день я все-таки плохо соображала – я спросила:

– За кого – «за нас»?

Она поморщилась от моей тупости:

– Ну вы за Горячева или против? Сейчас вся страна разделилась на тех, кто за нас, за перестройку, и кто – против. Вы где? Только честно!

Ее серые глаза сузились, отчего широкие подглазные дуги

обозначились еще шире, и она еще больше стала похожа на татарку. А я разозлилась. Мне не нравилось, что она вот так запросто говорит «мы», «нас», «нам», словно она член Политбюро и секретарь ЦК. А кроме того, лично нам, милиции, вся эта горячевская перестройка не принесла ничего хорошего. Мало нам было при Брежневе обычной преступности – грабежей, жулья, наркоманов, изнасилований и диссидентов, так теперь Горячев добавил – самогонщики, рэкет кооперативов, уличные демонстрации. И все нам орут: «Принять меры! Обеспечить порядок!» Но стоит действительно «принять меры», как тут же вопли в обнаглевшей прессе, даже местной: «А на каком основании? А по закону ли?»... Но скажите: а вести одновременно шестнадцать уголовных дел при зарплате 190 рублей в месяц (и это с погонами!) – по закону? А талоны на 1,5 килограмма мясных изделий в месяц – по закону? Интересно, как я могу ловить банды рэкетиров, автомобильных воров и самогонщиков, если в день мне положено только 50 граммов мяса, да и то – не мяса (если бы мяса!), а так называемых мясных изделий: лярд, потроха, обрезки и еще неизвестно чего, что на мясокомбинате добавляют в котлетный фарш. А попробуй теперь, как раньше бывало, сунься, пользуясь своей милицейской формой, без очереди в магазин – публика тебя обложит! Нет, нам, милиции, вся эта горячевская перестройка ни к чему...

Но я сдержала себя, спросила с улыбкой:

– Вы всех опрашиваете таким явочным порядком?

Горячева не смягчилась, продолжала смотреть пытливо:

– Все-таки я хотела бы услышать...

– Ну, я за перестройку, конечно... – ответила я принужденно.

– Но!.. – продолжила она за меня. – Это «но» есть у каждого. Одним не нравится, что мы трясем Сталина и Брежнева, другим – что мы трясем всю систему... Ладно, сейчас не время для дискуссий. Нам нужна ваша помощь. Потому что если нас убьют, то, согласитесь, никакой перестройки не будет – ни с вашим «но», ни без.

Моя помощь?! У Горячева есть армия, КГБ, личная охрана, войска спецназа... Неужели при такой мощи еще нужна я – провинциальный милицейский следователь? И вообще – как я могу им помочь?

Конечно, даже если эти вопросы не были написаны крупным шрифтом на моей физиономии, их можно было легко предвидеть. Но Горячева не стала отвечать на них, она сказала:

– Посмотрите в левый нижний угол этой газеты.

Я посмотрела. В левом углу газеты была фотография молодой – не старше тридцати – брюнетки и подпись: «Psychic Stephany Grill the maior events of 1988»⁴. Так вот как выглядит этот гениальный предсказатель! Не старше меня...

– Теперь слушайте, – сказала Лариса. – Там, в Америке, все давно забыли о предсказаниях этой мелкой газетенки. Но

⁴ «Медиум Стефания Грилл предсказывает основные события 1988 года».

не я. Я эту страничку храню с января. И вы понимаете: по мере того как сбывались эти предсказания, я теряла сон. Хотя я марксистка-материалистка, но любой на моем месте потерял бы голову, не так ли? Короче, месяц назад я поручила одному человеку найти в Америке эту Стефанию Грилл. Я хотела, чтобы она описала, когда и как конкретно произойдет это покушение. За любые деньги, как вы понимаете. Ну, он нашел ее во Флориде, это флоридская газета... Но она сказала, что на таком большом расстоянии она только чувствует событие, но не может увидеть подробностей. Конечно, мы тут же предложили ей приехать в Москву. Инкогнито, чтобы пресса ничего не разнюхала. Ведь наша пресса сейчас тоже способна на любые трюки. Короче, три дня назад она прилетела – кружным путем, через Сидней и Токио. Я оставила мужа в Крыму – он сейчас в отпуске, вы знаете? – и сама встретила ее в Москве и отвезла в гостиницу. Но она так устала от полета, что никакого разговора по делу у нас не было. Она лишь сказала, что, как только увидела меня, ее ощущение опасности вокруг меня возросло в десятки раз. И тут же легла спать, чтобы наутро на свежую голову заняться работой. Но наутро ее уже не было в гостинице! Исчезла! При этом дежурная по этажу клянется, что никто к ней в номер не входил и никто из номера не выходил, но она – исчезла! И главное, я сама выбрала этот «Пекин» – вы знаете, эта гостиница в центре Москвы самая тихая, даже без проституток! И номер на пятом этаже – не могла же она вылететь в

окно! Хотя черт ее знает? Короче, я подняла на ноги всех – КГБ, МВД! Но... Прошло уже двое суток, а у них никаких следов! И мне это не нравится. Чтобы КГБ и МВД не могли найти в Москве человека?! Они просто дурят мне голову! А муж в Крыму, он не хочет понять, насколько это серьезно... Поэтому я приехала к вам. На Западе существуют частные детективы, у нас до этого еще не дошли, вы будете первая. Вы согласны?

Я с трудом успевала следить за этим потоком слов, чтобы выделить суть: американская гадалка, предсказавшая покушение на Горячевых, прилетела по приглашению Ларисы в Москву и на следующий же день исчезла из гостиницы. Ни КГБ, ни МВД не могут ее найти уже двое суток. И Горячева хочет, чтобы я...

– Но почему я?! Как вы вообще обо мне узнали?

– О, это просто! – Лариса пренебрежительно повела головой. – Мне нужна неприметная личность, про которую и подумать невозможно, что она будет конкурировать с КГБ и МВД. Я запросила в МВД списки выпускников милицейских академий за последние пять лет, прочла характеристики на восемнадцать женщин-отличниц и остановилась на вас...

– Я самая неприметная? – усмехнулась я.

– Нет, – сказала она серьезно. – Вы самая молодая и, судя по характеристике, самая талантливая. Кроме того, у вас нет ни мужа, ни детей, то есть никто не будет интересоваться, куда вы исчезли на неделю или на две.

Прямо скажем, это тоже был сомнительный комплимент. Но что правда, то правда – в Полтаве у меня нет ни друзей, ни любовника. Но я сказала:

– А как же на работе в угро?

– Значит, вы согласны? – тут же спросила Лариса.

Я отметила про себя ее хватку. Эта женщина ничего не пропускает. Она может терпеливо объяснять вам самые простые вещи, но при первой же возможности срезает путь и прорывается к сути – к тому, что задумала. Но как же мне быть? Конечно, это шикарно – стать личным сыщиком Ларисы Горячевой! Даже если еще полчаса назад я относилась к ней, как все вокруг – без приязни. Но – конкурировать с КГБ и МВД!

Теперь уже я, а не она прошлась по комнате.

– Я знаю, о чем вы думаете, Аня, – мягко сказала Горячева, впервые назвав меня по имени. – Это дело действительно непростое и опасное. Миша может считать, что это мои женские причуды, и дай Бог, чтобы так и оказалось, но... Эту гадалку мог похитить только тот, кто планирует убить нас. И если КГБ и милиция морочат мне голову... Вы понимаете? Они и вам станут мешать! Но что же мне делать? Вы должны найти эту американку до того, как меня и Горячева прикончат. Потому что пока мы живы – мы вам, конечно, гарантируем защиту и протекцию. Но если нас убьют, то сами понимаете...

Я обратила внимание, что все эти слова «прикончат»,

«убьют» она произносила так буднично, словно уже привыкла к мысли о неизбежности этого рокового события.

– Подождите, не так все трагично... – сказала я. – В конце концов что она предсказала? Что будет покушение. Но покушение – это еще не убийство. Я никакой не медиум, но если допустить, что эта американка может каким-то образом принимать сигналы из будущего, то – подумайте сами – сигнал смерти, убийства должен быть сильней сигнала просто покушения. И значит, эта гадалка предсказала бы убийство, а не просто покушение. Верно?

– Вы так думаете?.. – озадаченно произнесла Горячева. – Понимаете, дело в том, что вы, как и я, пытаетесь объяснить феномен этих предсказаний с позиций материализма. Мол, медиум принимает сигнал из будущего. Чем сильней этот сигнал – тем полней информация о предстоящем событии. То есть предсказать ураган легче, чем простой ветер. Поэтому прорицатели предсказывают чаще всего именно катастрофы – ловят сигналы массовой смерти. Следовательно, если медиум уловил в будущем лишь слабый сигнал, то... Но все это чушь! – Она встала и нервно огляделась по сторонам. – У вас нет закурить?

Я беспомощно развела руками: я не курила и не держала у себя курева.

– Все это чушь! – еще ожесточенней проговорила Горячева. – Если событие еще не случилось, то как же оно может издавать какой-то сигнал?! А?! – Горячева повернулась ко

мне, посмотрела в упор, а затем подошла вплотную: – Хотите знать мое мнение? Эта гадалка предсказала покушение, а не убийство потому, что судьба еще не решила, чем это покушение кончится! – И она сделала паузу, давая мне время осмыслить эту идею. – Понимаете? Значит, если мы найдем эту американку и она укажет, кто собирается совершить покушение, мы можем их арестовать...

– Но тогда не будет покушения, – сказала я. – Лариса Максимовна, будем логичны. Если вы верите в то, что покушение неизбежно, то какая разница: найдем мы эту американку или нет? Она это покушение отменить не может, а я – тем более, даже если бы я была Джеймс Бонд. Я не могу играть против рока.

– Хорошо, допустим, – сказала она, не сдаваясь. – Но если, например, мы найдем эту американку и она скажет нам, в каком месте будет покушение, – ведь мы можем подстроить так, чтобы никто, ни одна душа не знала, что в этот момент нас в этом месте не будет! Да, будет покушение на Горячева и на меня – скажем, нападение на наш лимузин. Но вместо нас там могут быть загримированные манекены!..

Я смотрела ей в лицо. Только теперь, на этом – меньше шага – расстоянии я разглядела глубокий лихорадочный огонь, который горел в ее глазах. Не нужно быть медиумом, чтобы, увидев это болезненное пламя, сказать, что вокруг этой женщины сгущаются тучи смертельной опасности. Хотя тут, скорее, обратная связь: смертельная опасность, пред-

сказанная медиумом, выжигает душу этой женщины страхом за себя и за мужа.

– Чем это пахнет? – вдруг сказала она и нервно огляделась по сторонам. Я принюхалась. Хата самогонщика Гринько была позади нашего дома – так неужели Горячева даже здесь, на таком расстоянии почувствовала этот специфический, кисловато-прогорклый запах сивухи? Впрочем, когда у человека все чувства обострены до такой степени...

«А ведь она на грани помешательства, – вдруг подумала я. – Конечно, она умеет держать себя в руках – до определенного предела, как почти любой душевнобольной. Но подводить ее к этому пределу опасно, а вот попытаться ослабить пружину...»

– Лариса Максимовна, – сказала я, трогая ее за руку. – Вы очень сильная женщина. Честное слово, это не лесть, поверьте. Я просто не знаю, как бы я выдержала в вашей ситуации...

У нее дрогнули губы. Ее глаза еще смотрели на меня недоверчиво, с подозрением – не прикидываюсь ли я, но губы уже двинулись и расслабились безвольно. Я даже не ожидала, что мне удастся добиться этого так быстро. Я поспешила дожать ее:

– Восемь месяцев жить под этим! Видеть, что все предсказания исполняются одно за другим и что сентябрь приближается неотвратимо, как... – Я не могла подобрать сравнения, хотя в таких случаях чем банальней, тем лучше.

Но Горячева уже перебила меня.

– Да... да, Аня... – прошептала она с полными слез глазами и вдруг ничком рухнула на мою низкую кровать – лежак, стоявший на кирпичиках и укрытый ненецким паласом из заячьих и лисьих лап. – Да, Аня, да! – еще зажато, но уже в потоке отпускающих душу слез восклицала Горячева. – Уже восемь месяцев живу с этим. Это ужасно!.. Это ужасно! Вы не представляете!.. И никому нельзя сказать! Ни детям, ни мужу!..

Я села рядом с ней и стала осторожно гладить ее по вздрагивающим плечам. Пусть выплачется, пусть, ей сейчас это нужно. В конце концов они там, в Кремле, тоже, оказывается, люди...

Тут Горячева повернулась вдруг на спину и, уже не стесняясь своих слез, катившихся по размытой косметике, сказала, держа меня за руку:

– Ну как... как я могла ему сказать?! Ему и без этих предсказаний... Боже, вы себе не представляете, через что нам приходится проходить!.. Каждый день!.. – И она покачала из стороны в сторону головой: – Вы себе не представляете!.. И я держала это в себе, вот здесь... – Она положила левую руку на грудь. – Господи, Анечка, это так трудно!.. А муж ничего не знал. Но теперь, когда погиб в катастрофе этот пакистанский президент, точно как она предсказала... Вы понимаете?! Теперь – наша очередь...

Я смотрела на нее. Количество портретов этой женщины,

опубликованное в западной прессе, равно количеству анекдотов, созданных о ней в России. И если бы час назад кто-нибудь сказал мне, что она, Лариса Горячева, будет рыдать на моей кровати, я приняла бы его за психа! Но теперь передо мной вся в слезах лежала уже не первая леди нашей страны, не жена главы государства, а простая баба с истерзанной страхами душой и сеточкой морщин на потерявшем косметику лице. Эта женщина в возрасте моей матери держала меня за руку, называла Анечкой и просила о помощи. Мольба и истерический страх были в ее глазах.

Я спросила:

– Неужели вы собираетесь ввести в стране сухой закон?

– Мы?! – Она оглянулась на меня изумленно. – Нет, конечно! А почему вы спрашиваете?

– Только что по украинскому радио передали: Киев станет безалкогольным городом...

Она страдающе покачала головой из стороны в сторону:

– Какой ужас!.. И вот так во всем, во всем, я же вам говорила!.. Только что начнешь, все доводят до идиотизма! Нарочно, конечно – чтобы выставить Мишу идиотом и настроить народ против нас. Какой ужас! Анечка! – Она резко повернулась ко мне: – Вы поможете нам? Ну, пожалуйста...

2

Продолжение

– Лариса Максимовна, прежде чем принять решение, я должна вас допросить. Но это не формальный допрос, не подумайте! У нас это называется «снять свидетельские показания»... Понимаете, даже если я вам всем сердцем сочувствую, дело есть дело, и оно требует профессионализма, а не эмоций. Ведь и врач, перед тем как лечить больного, должен сделать анализы...

Конечно, последнюю фразу я сказала как бы шутя, чтобы смягчить свою идею насчет допроса, но Горячева уже встала с кровати и насухо вытирала глаза.

– Я готова, – сказала она и оглянулась в сомнениях: – Будете допрашивать здесь?

– Ну, не вести же вас в милицию. Сейчас я наведу тут порядок... – Я выдвинула из комода средний ящик и покрыла его гладильной доской – стол для ведения протокола был готов. – Но прежде чем мы начнем, скажите: почему вы думаете, что эта американка еще жива?

Горячева усмехнулась:

– Потому что если бы ее хотели просто убрать, то ее убили бы прямо в гостиничном номере. Нет, Аня, таких источников информации, как эта гадалка, не убивают...

– Что ж, тогда начнем, – сказала я, доставая из ящика ко-

мода портативный магнитофон «Юность», стопку чистой бумаги и шариковую ручку. Хотела еще надеть свой китель, но передумала – Горячева уже и так настроилась на деловую ноту, эти переходы были в ней мгновенны...

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ

гражданки Горячевой Л.М.

по делу исчезновения Стефании Грилл, гражданки США

Протокол допроса от 9 сентября 1988 г., г. Полтава, СССР

ВОПРОС СЛЕДОВАТЕЛЯ: Как и когда вы получили газету «Englewood Weekly News»?

ГОРЯЧЕВА: В самом начале этого года. Точную дату не помню, но помню, что в начале января. Газету мне принес Георгий Арбатов, директор Института США и Канады. У него в институте есть спецотдел, который читает все американские газеты и журналы...

ВОПРОС СЛЕДОВАТЕЛЯ: Все газеты?!

ГОРЯЧЕВА: Конечно. Что тут удивительного? Газеты постоянно выбалтывают массу ценной информации, даже наши. Пентагон и СІА подписаны на все наши газеты, а у нас есть несколько закрытых институтов, которые анализируют западную прессу – американскую, английскую, японскую и прочие. Технические новинки, адреса фирм и даже схемы водопроводных коммуникаций – все это когда-нибудь пригодится... Вот... Ну а у Арбатова в институте человек семьдесят читают американскую прессу,

составляют картотеку перспективных политических деятелей и всех сплетен на их счет. И когда этим переводчикам попадает что-то смешное про СССР или про нас с мужем, Арбатов приносит это мне просто так, для фана.

ВОПРОС: А что смешного увидел Арбатов в этом предсказании?

ГОРЯЧЕВА: Нет, он в этот день принес мне не только эту газету, а целую пачку таких предсказаний – сотню газет на двадцати, наверное, языках. Дело в том, что на Западе такая мода – накануне Нового года каждая газета печатает предсказания на будущий год. Вы не представляете, чего они только не предсказывают – и войну с инопланетянами, и любовные романы кинозвезд, и падения правительств, и черт-те что! А про нас с мужем – буквально в каждой газете! То у него будет роман со шведской стюардессой, то обнаружатся его внебрачные дети, эмигрировавшие на Запад как евреи... Ну и так далее... Каждый пророчит свое, но никто ничего хорошего...

ВОПРОС: И вы хранили все газеты и сверяли их предсказания с жизнью?

ГОРЯЧЕВА: А вы бы их выбросили? Конечно, сверяла! Даже по теории вероятности из тысячи предсказаний хотя бы пара могла сбыться. Поэтому еще тогда, в январе, я из всех предсказаний, даже самых бредовых, составила такой, знаете, сводный календарь. Ну, сначала ради смеха. Например, на февраль было восемнадцать предсказаний любовных романов мужа.

Со шведской стюардессой, с индийской журналисткой, с поварихой на нашей даче в Крыму, с ленинградской диссиденткой и так далее. Конечно, ни одно из них не сбылось. Но зато сбылось предсказание этой Стефании Грилл насчет взрыва на Кипре: израильяне взорвали там палестинское судно «Сол фрине». Но я, конечно, не обратила на это внимания. Кого интересует какой-то Кипр?! Но все-таки все эти предсказания меня давили, и в марте я на всякий случай отменила нашу поездку в Швецию. Потому что на март опять было предсказание любовного романа мужа со шведской стюардессой, причем не одно предсказание, а восемь! В восьми газетах в разных концах света как сговорились – шведская стюардесса! Ага. Ну а мы вместо Швеции поехали в Югославию – про Югославию не было никаких предсказаний. Так что видите: можно играть против рока, можно!.. Ну вот... А когда мы вернулись из Югославии и я заглянула в свой календарь, я вдруг увидела, что эта Стефания предсказала события в Нагорном Карабахе...

* * *

Я представила себе жизнь Горячевой и мысленно усмехнулась: оказывается, за все надо платить! Она ездит в Лондон, Вашингтон, Париж и Белград, она купается в роскоши и славе, но при этом дрожит как лист от страха и угроз. И

я вдруг поймала себя на том, что почти сочувствую ей. Я вспомнила, как наша пресса издевалась над женой Рейгана за то, что та ходит к какой-то гадалке. Но когда все пророки и прорицатели мира год за годом публикуют предсказания на ваш счет, то, даже если только пара этих предсказаний случайно совпадет с действительностью, вы поневоле станете суеверной, не так ли? А если, как в деле Ларисы Горячевой, предсказания какой-то флоридской гадалки начнут сбываться с точностью движения курьерского поезда, то вообще чокнуться можно! Подумать только: именно в феврале началось палестинское восстание в Израиле – как и предсказано этой Стефанией Грилл! В марте – американский конгресс судит этого антикоммуниста Оливера Норта, а потом резня в Сумгаите и восстание в Нагорном Карабахе – словно запланировано. В апреле – победа Буша у республиканцев и Дукакиса у демократов. В мае...

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Л.М. Горячевой (продолжение)

ГОРЯЧЕВА: Знаете, как я себя чувствовала в это время? Ужас, поверьте мне, неотвратимый ужас... Как у Анны Карениной перед летящим на нее паровозом... Да... Особенно когда сбылись все предсказания этой Стефании на май, июнь и июль. За предсказаниями остальных газет я уже не следила – мне было плевать на все: на эти выдумки насчет романов мужа со стюардессами, войны с Китаем, нападения инопланетян и прочую галиматью! Но предсказания этой Стефании –

они меня убивали. Я не могла уже просто сидеть и ждать своей смерти! Я должна была что-то сделать! Хотя бы выяснить у этой Стефании подробности покушения...

ВОПРОС: Когда и через кого вы с ней связались? Пожалуйста, расскажите подробно, это крайне важно.

ГОРЯЧЕВА: Ну, я не могла поручить это нашему послу в Америке, сами понимаете, я должна была сделать все тихо, без лишних глаз и ушей. Вы понимаете, кого я имею в виду?

ВОПРОС: Думаю, КГБ. Да?

ГОРЯЧЕВА: Верно. Ни для кого не секрет, что большая часть сотрудников нашего посольства в Америке – это гэбня. Но я не хотела их вмешивать в это дело – не хватало еще, чтобы Чебриков поднял меня на смех! Короче, я взяла эту газету и пришла к Добрынину. Он двадцать лет был нашим послом в США и, конечно, хорошо знает, кто там в нашем посольстве сотрудник КГБ, а кто нет. И должна вам сказать, что Добрынин очень серьезно отнесся к этому делу. Я боялась, что он будет смеяться надо мной, а он – нет. Но он сказал, что никому из посольских доверять нельзя. Потому что даже если сотрудник посольства не кадровый гэбэшник, он все равно пишет в КГБ доносы и рапорты, без этого его за границу теперь на работу не пускают. А кроме того, поездка любого сотрудника нашего посольства во Флориду не может пройти незамеченной, ее засекут сразу с двух сторон – и шеф нашей резидентуры, и агенты FBI. Так сказал мне Добрынин. «Ну, хорошо, – сказала я. – А может быть, в нашей миссии в ООН или

в торговом консульстве есть чистые люди, то есть не связанные с КГБ?» «Может быть, – сказал он. – Но я таких не знаю...» «Что же мне делать?» – спросила я. И он сказал: «Если вы не хотите ввязываться в это дело КГБ, то у вас остается только одна возможность выйти на эту гадалку – с помощью евреев-эмигрантов...»

ВОПРОС: И вы выбрали этот путь?

ГОРЯЧЕВА: Да. Хотя, конечно, мне было сложно на это решиться. Вы понимаете, я не антисемитка и муж тоже. Мы выше этого. Но все-таки...

ВОПРОС: Извините, Лариса Максимовна, что я вас перебиваю. Прежде чем перейти к евреям, я хочу уточнить: почему вы отвергли первый путь? У вас есть какие-нибудь основания подозревать КГБ в подготовке покушения?

ГОРЯЧЕВА: У нас есть основания подозревать всех! Потому что когда мы начинали перестройку, мы даже не подозревали, на что наткнемся! Вы думаете, мы знали, насколько ужасно положение страны буквально во всем?! Никто не знал, уверяю вас! Могу я встать, походить? Я, когда хожу, лучше соображаю... Понимаете, Аня, Сталин, Хрущев и Брежнев создали такую колоссальную машину обмана населения всякими победными звонами, что эта машина уже работает сама и обманывает даже ее хозяев! Причем буквально во всем, честное слово! Например, сорок лет назад эта машина придумала такую инструкцию: если в детском садике или в школе возникает холера или еще какая-нибудь эпидемия, то

пока число жертв не достигло десяти человек, сведения об этих заболеваниях не передавать в Министерство здравоохранения, а сами смерти квалифицировать по иным, случайным причинам! Понимаете? Тиф, чума и холера гуляли по стране, дети умирали, а официально, по данным, которые Министерство здравоохранения передавало в ООН и в Политбюро, – у нас нет никакой детской смертности и вообще – никаких эпидемий! Стерильная чистота от Балтики до Камчатки! Дети болеют только насморком, да и то очень редко... И так во всем – в промышленности, в науке... И Хрущев этому верил, и Брежнев, да и мы с мужем! «Наша система имеет отдельные недостатки, но все равно она самая лучшая в мире! Социализм и коммунизм – высшая ступень развития человечества!» Ну и так далее... Я, Михаил, вы – мы выросли на этом, это у нас в крови. Поэтому мы начинали перестройку, имея в виду перестроить кое-что, отдельные недостатки – центральное планирование, например. Но когда мы дали газетам гласность и они ринулись освещать реальное положение дел во всем – в экологии, медицине и даже в армии, – Господи, ведь волосы дыбом! Это как у хирурга, который собрался вырезать больному аппендицит, а когда вскрыл ему живот – ахнул: у больного рак по всему телу!.. К чему я это говорю?

Она остановилась посреди комнаты и взглянула на меня строго и чуть исподлобья – так лектор проверяет, слушают ли его студенты. Я вспомнила, что «голоса из-за бугра» пе-

редавали: Горячева тридцать лет была преподавателем марксизма-ленинизма, из них последние семь лет – даже профессором в МГУ. Почему-то в наших газетах при всей нашей гласности о Ларисе Максимовне Горячевой еще не было напечатано ни слова, хотя на Западе про нее пишут почти каждый день. Так, во всяком случае, говорят все «вражеские голоса», а с их слов – вся наша страна, которая любой слух молниеносно разносит от Балтики до Камчатки с помощью обмена сплетнями в ежедневных очередях... Не знаю, слушали ли лекции Горячевой ее студенты в МГУ, но я ее сейчас слушала. Больше того, я следила за каждым ее шагом по моей комнатухе, стараясь по быстроте ее речи, жестикуляции и резкости походки определить степень ее психоза. Что с ней – просто душевная истерика человека, измученного манией преследования, или что-то серьезней? Конечно, я не врач-психиатр, но и мы, следователи, по курсу «Судебная психиатрия» изучали разные отклонения в психике человека...

ВОПРОС: И все-таки, Лариса Максимовна, имеете ли вы какие-нибудь конкретные данные, чтобы подозревать КГБ в подготовке покушения на вас и товарища Горячева?

ГОРЯЧЕВА: Ах да – мы говорили по поводу КГБ! Помните, когда я спросила, как вы относитесь к перестройке, даже вы сделали недовольное лицо? Мол, вы за перестройку, но... А теперь представьте себе КГБ – всех его полковников, генералов, Чебрикова. Они считают, что только благодаря им мы пришли

к власти. Мол, они выдвинули Горячева еще при Андропове и еще тогда, при Андропове, они же разработали всю программу перестройки. И должна вам честно сказать – частично это правда. Первые реформы были действительно намечены Андроповым и его аппаратом. Но любой процесс имеет свои законы развития! Мы дали людям свободу демонстраций, а они стали выходить на улицы с плакатами «Долой КГБ!». То есть перестройка стала наезжать на ее авторов. Но кого стали винить гэбэшники? Конечно, Горячева! А потом началось – Польша, Армения, Прибалтика! КГБ теряет контроль над событиями! И снова – кто виноват? Горячев! Нарушил принципы социального баланса! Понимаете, они придумали эту перестройку и даже само слово «перестройка» первым употребил Чебриков, а теперь они же ищут как бы снова завернуть гайки! А мы им мешаем, понимаете?

ВОПРОС: И это все? Я имею в виду: кроме этих рассуждений, у вас есть какие-нибудь конкретные данные о намерении КГБ устранить товарища Горячева?

ГОРЯЧЕВА: А это разве не конкретно? А кто распускает по стране слухи, что перестройка подрывает основы социализма? А кто вдруг начал афишировать честность Лигачева? А кто выбрасывает на черный рынок видеокассеты про то, что я хожу в бриллиантах, дружу с Кристианом Диором, построила уже пять дач и покупаю вещи за границей на государственную валюту? Да они с самого начала плели козни против меня, чтобы

шантажировать этим мужа! Нет, Анечка, куда-куда, а идти в КГБ с этим предсказанием я не могла, поверьте! Уж лучше к евреям! Конечно, идти к евреям, да еще к отказникам мне, Горячевой, не очень ловко было...

ВОПРОС: А разве вы не могли обратиться просто к туристам?

ГОРЯЧЕВА: Ни в коем случае! Ни туристы, ни наши бизнесмены, ни даже обычные евреи-эмигранты не годились! Потому что любой турист может быть стукачом. Или трусом. Если КГБ что-то пронюхает, то расколоть нашего туриста – это для них раз плюнуть. И то же самое – простого эмигранта. Поставят ультиматум: не выедешь из страны, пока не скажешь, о чем с тобой говорила Лариса Горячева! И все – любой может выдать. И только с отказниками – иной коленкор. Чем дольше какой-нибудь еврей сидел в отказе, тем злее он на КГБ и тем подготовленней к их допросам. У них даже есть один тип, который написал специальную книгу «Как защищать себя на допросах», представляете! Короче, когда передо мной встал вопрос срочно найти порядочного человека, я поняла, что отказники – моя единственная надежда. К тому же все остальные туристы, эмигранты – где мне взять их адреса? Спрашивать в ОВИРе или в КГБ? Смешно! А списки отказников мужу вручают каждый месяц – то посол какой-нибудь, а то и сам Рейган, Миттеран, Тэтчер. И в этих списках – и адреса, и телефоны, и даже данные о состоянии здоровья этих отказников – у кого язва, у кого два инфаркта, ну и так

далее... Ну вот, остальное понятно. Я выбрала из этого списка несколько кандидатур, но начала с самого ярого антисоветчика – с Виктора Бутмана. По двум причинам – во-первых, он знает английский язык, во-вторых, он специалист по дельфинам.

Собственно, из-за этих дельфинов он и сидел в отказе четырнадцать лет: он был первым, кто стал тренировать дельфинов для армии. А я подумала, что если мы выпустим его на Запад, то его поездка во Флориду ни у кого не вызовет подозрений – там полно дельфинариев. Но, конечно, идти к нему было не очень приятно. Этот еврей доставил нам столько хлопот! Не было ни одной еврейской акции в Москве, в которой бы он не принимал участия! Честное слово! Демонстрации, голодовки, сидячие забастовки в приемной Верховного Совета, тайные школы иврита, обращения в ООН – ну просто какой-то оголтелый еврей, честное слово! Правильно про них в Библии сказано – «евреи – народ жестоковатый». Но я поняла, что именно такой и не продаст меня в КГБ. И я пошла к нему! Представьте себе: он – доктор биологических наук, специалист по дельфинам – работал простым кочегаром в Кунцево, и я пошла к нему в кочегарку ночью, вы представляете?!

Теперь даже я почувствовала, как осенний ветер заносит в окно резкий запах сивухи, к которому еще прибавилось тархтение мотоцикла и какого-то грузовика. Я поняла, что дальше так продолжаться не может: Горячева от этого запаха и шума становится нервной, да и я начинаю вертеть головой.

– Извините, Лариса Максимовна, – сказала я.

Прямо поверх платья я накинула свой повседневный милицейский китель и вышла из комнаты. Бегом пробегаю двенадцать ступенек вниз по лестнице, толкаю дверь и – густая волна самогона аж шибает в лицо. Так вот в чем дело! Оказывается, этот старпер Гринько вынес во двор, в беседку, свой самогонный аппарат и в уютной тени старой яблони-антоновки, закусывая яичницей с жареными помидорами, под аккомпанемент вещающей по-украински радиостанции «Свободная Европа» торгует этим самогоном открыто в розлив. У калитки его двора мотоцикл с коляской тарахтит невыключенным мотором, рядом – полуторка с полным кузовом какого-то мусора, а водитель грузовика и хозяин мотоцикла во дворе отовариваются в зеленые бутылки из-под «Игростога»...

Я почти без разбега ухватила руками за верхушку тына и косым отмахом перебросила себя в соседский двор. Клиентура старика Гринько – шофер, мотоциклист и два подростка с пол-литровыми бутылками, увидев мой милицейский китель, приснули в разные стороны – кто через калитку, а кто через огород, мимо дощатого скворечника-сортира. В беседке на столе «Спидола» сообщала о том, что «советская делегация во главе с членом Политбюро и председателем КГБ Виктором Чебриковым прибыла в Китай на празднование годовщины китайской революции», а рядом со «Спидолой» и большой чугунной сковородкой с яичницей стояли само-

гонный аппарат, полбутыли сизо-мутного самогона и прочие вещдоки преступного промысла – лейка и мерная колба с отметками по сто граммов. Мухи кружили под яблоней и пикировали на сковородку с остатками яичницы...

Оглянувшись на меня, старик Гринько, маленький, как сморчок, в выгоревшем офицерском кителе без погон, но с орденскими колодками на груди, прикрыл самогонный аппарат и бутылку с самогоном своей спиной и левой рукой. Правой руки у него не было, лет двадцать назад отрезало на заводе.

– Я вас сколько раз предупреждала? – сухо сказала я старику.

– Нэ пидходь! – озлобился он, чувствуя, что на этот раз я не ограничусь словами.

– Я вас шесть раз предупреждала! Мало того, что вражеские голоса на всю улицу, так еще...

– Я нэ разумію по-кацапски! Пишла ты у жопу!

– Зараз врозумишишь! – сказала я по-украински, легко оттолкнула старика в сторону и протянула руку к бутылке.

И вдруг услышала сзади жуткий крик:

– Ах ты, курва! Кацапка! Убью!..

Даже не оглядываясь, я рывком откинулась в сторону и – просто чудо спасло меня от страшного удара топором, который вонзился острием в дубовую скамейку беседки буквально в нескольких сантиметрах от моего бедра. И тут же рослая, здоровенная, молодая Катюха, сноха старика Гринько –

жена его сына Василия, пьяная и беременная, легко выдернула топор из дубовой лавки.

– Падлюка лягавая! Б...ь! – Орала она мокрым ртом и с силой замахнулась на меня снова. Только замах этот получился чуть больше, чем нужно для точного удара – вес топора отнес ее пьяную руку дальше, чем она того хотела.

Это и была моя доля секунды.

Я прыгнула на нее всем телом, думая, что одним ударом выбью, как учили в академии, топор из ее руки. Но не тут-то было! Эта Катюха была раза в два тяжелей меня и в три раза сильнее. Хотя мне и удалось сбить ее с ног, но топор она не выпустила, и мы покатались по земле в обнимку, одной рукой я держала Катюхину руку с топором, другой схватила ее за волосы, а она пыталась укусить меня и схватить за горло. Конечно, одного удара коленом по печени или в область матки было бы достаточно, чтобы отключить эту стерву, но при всей моей милицейской выучке я не могла на это пойти – эта сука была беременна, ее круглый живот выпирал из нее, как спелый арбуз. И при этой шести– или даже семимесячной беременности эта стерва была пьяна, сивуха так и разлила из ее рта, и еще к этому запаху примешивался какой-то странно-знакомый запах спермы, как в первые минуты после полового акта. «Но ведь Васька уже полгода в Афганистане, – подумала я. И вдруг до меня дошло: – Черт возьми, эта Катюха спит со своим свекром!»

Впрочем, все эти мысли были где-то на окраине сознания

или, возможно, оформились словами значительно позже, а в эти секунды я только каталась с Катюхой по пыльному двору, дышала ее дыханием, потным запахом сивухи и спермы и с трудом удержала свое колено от рефлекторного движения садануть Катюху под ее круглое брюхо...

Наконец, вывернувшись из-под этой туши, я оседлала ее спину, а руку с топором дернула на себя болевым приемом. Катюха задохнулась от боли, даже не вскрикнула, а только захрипела, но топор все не выпускала, сука. Ее платье задралось, заголив голую без трусов задницу... А радио в беседке продолжало вещать по-украински:

«– В понедельник, 5 сентября, в Ереване, на центральной площади, состоялся стотысячный митинг ереванцев, требовавших присоединения Нагорного Карабаха к Армении. Собравшиеся несли национальные армянские флаги и скандировали: „Карабах“ и „Независимость“ ...

Но уже не Катюха и, конечно, не «голос из-за бугра» занимали сейчас мое внимание, а этот божий одуванчик Гринько. Под хрипы эфира и мягкий баритон зарубежного диктора старик подкрадывался ко мне с тыла и своей единственной рукой заносил надо мной тяжелую чугунную сковороду. Я резко вскинула к нему лицо, понимая, что, если я уклонюсь сейчас от удара, Катюха вырвется из-под меня.

Старик наткнулся на мой взгляд, как натываются на кобру. И – замер. И – это был миг, который решал все.

– Я сломаю ей руку, – сказала я спокойно, зная, что успею

это сделать, даже если он опустит мне на голову эту сковороду.

Наверное, именно то, что у него не было одной руки и он знал, что это такое – жить без руки, удержало его. Я увидела по его глазам, что он струсил...

– Отпусти топор, дура, ведь руку сломаю! – сказала я Катюхе и в запарке нажала чуть сильнее, чем хотела – так, что раздался сухой треск сухожилий.

– А-а-а! – завопила она.

Я выхватила у нее топор и вскочила с ним, держа его двумя руками. Теперь они оба уже ничего не стоили – Катюха, сидя голым задом на земле, раскачивалась и верещала, что я сломала ей руку и что Васька меня убьет, а старик Гринько так и стоял с поднятой над головой сковородой.

Радио продолжало вещать – теперь что-то насчет развала нашей экономики. Сквозь щели тына и поверх него на нас смотрел интернационал детей моей хозяйки, а с улицы заглядывали в калитку любопытные лица окрестных пацанов и соседей. Но, конечно, ни грузовика, ни мотоцикла с коляской там уже не было...

Несколько секунд я стояла с поднятым топором и не знала, что мне теперь делать. Потом сообразила, подошла к бензопиле и наотмашь рубанула топором по бутылке с самогонном, которая стояла на столе. Бутылка разлетелась вдребезги, сивуха потекла по столу на землю.

Голопузые палестинцы Василь и Руслан засмеялись от

восторга за тыном. Катюха, все еще сидя на земле и нянча свою руку, смотрела на меня с ненавистью, старик Гринько тихо заплакал, а я от его этих слез завелась еще больше. Я знала это чувство и раньше, но только по описаниям подследственных. Чем больше крушишь, ломаешь, бьешь, говорили они, тем больше сатанеешь от того, что кто-то вынудил тебя быть разрушителем, и – крушишь еще больше! Теперь это было со мной: Гринько и Катюха продолжали смотреть на меня, и после бутылки я, к радости Василя и Русланчика, рубанула топором самогонный аппарат – довольно громоздкое сооружение с двумя металлическими бачками и витым латунным змеевиком.

– Не-ет! – словно от боли застонал старик Гринько и закачался, но мне его страдания были «до фонаря»...

Змеевик аппарата, брызнув сивушным соком, раскололся с первого удара, а все остальные части – с третьего или с пятого, уж не помню. Еще одним ударом я смела со стола и лейку, и мерную колбу, а потом бить уже было нечего, разве что «Спидолу», которая от тряски брякнулась на бок, перескочила с мюнхенской волны на киевскую и продолжала вещать по-украински:

– «Ми вже звикли до терміна „нове мислення в міжнародних справах“ і бачимо реальні плоди зовнішньої політики, яку проводить нинішнє керівництво Радянського Союзу. Сьогодні у Кремлі Голова Ради Міністрів Радянського Союзу товарищ Миколай Рижков прийняв Голову керівництва

компанії „Оксідентал петроліум“ Армана Хаммера...»

Сумасшедший дом!

Я трянула головой, постепенно приходя в себя и остывая. Хотела отшвырнуть топор и уйти, но черт эту Катьку знает – психическая, схватит топор и запустит в голову. Потому сквозь зуд зеленых мух я прошла через двор к дощатому скворечнику-сортиру. Этот Гринько жидится потратить деньги на канализацию и держит во дворе выгребную яму – рассадник антисанитарии! Я толкнула дверцу сортира и швырнула топор в очко. В густом дерьме он утонул, не булькнув. После этого, отряхивая с кителя пыль, я направилась к калитке. Пацаны, торчавшие на улице за калиткой, прыснули в разные стороны при моем приближении. Киев продолжал сообщать новости дня: Громько принял председателя Европейского парламента, «Фобос-1» продолжает полет к Марсу, советский космонавт Владимир Ляхов и афганский космонавт Абдул Ахат Моманд награждены за совместный полет. Все хорошо, прекрасная маркиза!..

Старик Гринько стоял у беседки и горестно раскачивался из стороны в сторону, наблюдая, как быстро впитывает земля его сивуху.

– Васька вернется с Афгана – пристрелит тебя, – по-русски сказала мне Катька в спину.

– Я вас шесть раз предупреждала, – ответила я уже в калитке и не удержалась, добавила: – Ты своему Ваське кого рожать будешь – сына или брата?

Катька, туго соображая, захлопала глазами, пыталась понять, что я ей сказала. А я дала подзатыльник вертящемуся у меня в ногах Русланчику и ушла домой под его обиженный рев.

ДОПРОС

Л.М. Горячевой (продолжение)

ВОПРОС: Извините, Лариса Максимовна, я отвлеклась. Но теперь нам никто не будет мешать... Да... Так вот, я бы не хотела пропустить один момент, он очень важен. У вас, как у жены главы правительства, есть личная охрана, а при ваших отношениях с КГБ я думаю, что за вами есть еще и негласная слежка. Верно?

ГОРЯЧЕВА: Еще бы! И гласная, и негласная – какая хотите! Они же меня тайно на видео снимают – особенно если я кольцо надену, кулон какой-нибудь или браслетик...

ВОПРОС: Как же вам удалось уйти от этой слежки и, как вы сказали, тайно добраться до Кунцево, где живет этот еврей-отказник? Или сейчас, ко мне?

ГОРЯЧЕВА: Ну, во-первых, телохранителей у меня уже нет, я от них отказалась. Потому что как раз телохранители чаще всего и совершают покушения на тех, кого охраняют. Вспомните Индиру Ганди! А во-вторых, мне нужна свобода действий, и я сказала, что это недемократично – чтобы жена главы правительства всюду таскала за собой полдюжины жеребцов с рясками боксеров! Ведь у меня масса общественной работы – я член правлений Детского

и Культурного фондов, член комитета защиты мира, член Художественного совета Центрального Дома моделей, член Комиссии Виктора Курлацкого и так далее... Вот... Ну и я сказала, что эта охрана меня компрометирует. Конечно, негласную слежку за мной они оставили. Но торчать на всех наших заседаниях они уже не могут, а дежурят снаружи, на улице. Поэтому уйти от них можно. В тот раз я отпустила своего водителя, сказала, что после заседания Комиссии поеду в машине Курлацкого на его день рождения. Ну и поздно вечером, во время застолья по случаю дня рождения Курлацкого, я взяла у его жены ключи от ее машины, надела ее пальто и шляпку и тихо сбежала, якобы просто покататься по ночной Москве. А мои стражи остались возле дома Курлацкого в своем так называемом ремонтном пикапе. Но я все равно час каталась по Москве, пока не убедилась, что за мной нет хвоста. А тогда уж дунула в Кунцево... Кстати, и к вам вырвалась с помощью такого же трюка...

ВОПРОС: И вы уверены, что никто не знал о вашем визите к этому еврейскому отказнику?

ГОРЯЧЕВА: Абсолютно! Я оставила машину в пяти кварталах от кочегарки Бутмана и все эти пять кварталов шла пешком – одна по ночному Кунцево! Вы представляете? Но зато я видела – за мной нет ни души...

ВОПРОС: Когда это было? Вы помните дату, время?

ГОРЯЧЕВА: Это было в ночь с 7 на 8 июля.

ВОПРОС: И вы застали этого Бутмана в кочегарке?

ГОРЯЧЕВА: Да, конечно.

ВОПРОС: Он был один?

ГОРЯЧЕВА: Да. Представьте себе, в три часа ночи, в кочегарке он зубрил японские глаголы!

ВОПРОС: Японские?! Зачем?

ГОРЯЧЕВА: Я тоже удивилась. Но оказалось, что английский и немецкий он выучил еще в школе, французский – в институте, итальянский – в аспирантуре, иврит – в отказе, а японский начал учить в Лефортовской тюрьме и – увлекся...

ВОПРОС: А он не удивился вашему визиту?

ГОРЯЧЕВА: Еще как удивился! У вас, когда я вошла, было, извините, лицо идиотки, а у него и вовсе – столбняк. Три часа ночи все-таки... Но он быстро взял себя в руки – что правда, то правда... И тут же вышел из кочегарки, весь квартал обошел – проверил, нет ли за мной хвоста. Но все было чисто, и мы с ним хорошо поговорили. Собственно, разговор был короткий: я показала ему эту газету, и он тут же все понял. «Вы меня отпустите на Запад, если я тайно свяжусь с этой гадалкой, верно?» – сказал он. И мы тут же обо всем договорились. И уже через неделю он выехал в Вену, а оттуда – в США...

ВОПРОС: Один или с семьей? Сколько ему лет?

ГОРЯЧЕВА: Ему сорок шесть лет, у него жена и трехлетняя дочка.

ВОПРОС: Как вы устроили ему разрешение на выезд?

ГОРЯЧЕВА: Вы, Анечка, молодец, ничего не

пропускаете. Но и я тоже, наверное, могла бы быть следователем – я учла все, что вы имеете в виду. Конечно, если бы Михаил Сергеевич вдруг дал указание отпустить одного Бутмана, это могло бы насторожить КГБ. Поэтому мой муж просто передал Чебрикову весь список отказников, который накануне прислал ему канадский премьер, и сказал: «Выпустите первые десять человек». А Бутман был в этой десятке...

ВОПРОС: Значит, к этому времени ваш муж уже был в курсе этих предсказаний?

ГОРЯЧЕВА: И да, и нет... То есть я сказала ему, что пара предсказаний флоридской гадалки совпала с событиями в Армении и на Кипре, и я хочу с ней связаться, но неофициально...

ВОПРОС: И как он к этому отнесся?

ГОРЯЧЕВА: Ну как! Конечно, назвал меня второй Нэнси Рейган. Но в эти дни все равно нужно было сделать какой-то жест для канадского премьера – черт, все время забываю его фамилию!

ВОПРОС: Малруни?

ГОРЯЧЕВА: Правильно! Малруни! Мы же пробуем отколоть Канаду от Штатов, поэтому мы им все время делаем маленькие уступки. Так и с этим списком отказников...

ВОПРОС: Итак, этот Бутман с семьей выехал в Вену – какого это было числа?

ГОРЯЧЕВА: Пятнадцатого июля. А уже 18-го он был в США, в Белом доме по личному приглашению Рейгана! Эта Нэнси любит устраивать такие спектакли

для прессы. То Щаранского они приглашали, то этого пианиста Фельдмана, а теперь вот Бутмана...

ВОПРОС: А вы не думали, что этот Бутман может рассказать о вашем поручении тому же Рейгану или в ЦРУ?

ГОРЯЧЕВА: Конечно, думала! Но у него здесь остались мать и сын от первого брака. И я его предупредила, что они получают разрешение на выезд, только если я буду жива после сентября. Как вы думаете, мог он продать меня ЦРУ или Рейгану при таких условиях?

ВОПРОС: Не знаю. Но – вряд ли... Итак, он поехал во Флориду, нашел эту гадалку. А она сказала, что на таком большом расстоянии от места будущего покушения никаких подробностей увидеть не может. Но как она могла тайно выехать из Америки в СССР, если она такая известная предсказательница? Ведь за ней, наверное, каждый день журналисты бегают. Да и ЦРУ, я думаю...

ГОРЯЧЕВА: Во-первых, она никакая не известная гадалка, а простая воспитательница в детском саду. Перед Новым годом, когда у них все газеты печатают всякие идиотские предсказания, она, курнув марихуаны, ради шутки составила список своих пророчеств и послала в местную газету. А там, тоже ради шутки, напечатали. Может, они тоже накуренные были, не знаю. Но завтра, конечно, все об этих пророчествах забыли, даже сама Стефания. Потому что ни до, ни после этого она никакими предсказаниями

не занималась. И только когда Бутман к ней явился и показал ей газету с ее же предсказаниями – ну, вы представляете, как она испугалась! Она решила, что он из FBI...

ВОПРОС: Откуда вы знаете эти подробности? Как Бутман сообщил вам все это?

ГОРЯЧЕВА: По телефону – но эзоповым языком, конечно! И звонил он, как вы понимаете, не мне! А своей маме. А я в это время была у нее, так мы с ним договорились: каждый понедельник с 9 до 10 вечера. И я в эти дни полдня тратила, чтобы сбежать от охраны и слежки...

ВОПРОС: Значит, Бутман сказал вам по телефону, что гадалка не видит подробностей будущего на таком расстоянии от России, и вы приказали отправить ее сюда...

ГОРЯЧЕВА: Я не приказала. Как я могла приказать, что вы! Я умоляла. Ведь было уже 22 августа – пять дней после гибели пакистанского президента. Помните, она предсказала, что в августе в авиакатастрофе погибнет глава мусульманской страны? И пожалуйста, семнадцатого августа разбился этот пакистанец, как его... Зия! А следующие на очереди – мы! Я и муж! Да, я обещала любые деньги, лишь бы эта гадалка скорей сюда прилетела...

ВОПРОС: Но зачем она летела через Австралию и Токио?

ГОРЯЧЕВА: О, это не ради маскировки от КГБ! Это ради маскировки от FBI! Она не хотела, чтобы

кто-нибудь в Америке знал о ее поездке в Россию. С чего это какая-то воспитательница детского сада вдруг поехала в Москву? На какие деньги? Там, знаете, хоть и свобода, а налоговое управление сравнивает твои доходы и расходы и спрашивает, откуда лишние деньги. Поэтому она полетела в Австралию, якобы ее бывший любовник прислал ей билет. А уже оттуда – через Токио – в Москву.

ВОПРОС: Когда она прилетела? Какой авиакомпанией?

ГОРЯЧЕВА: Она прилетела из Токио в Москву 6 сентября в девять вечера самолетом компании «Бритиш Эйрвей».

ВОПРОС: И вам удалось уйти от охраны и тайно встретить ее в аэропорту?

ГОРЯЧЕВА: О нет! Такое было бы невозможно, что вы! Я встречала ее открыто и официально. Дело в том, что она прилетела не как простая туристка, а якобы представитель международной Лиги женской моды. Ведь всюду считают, что я безумная модница и дружу со всеми модельерами мира – от Кардена до Зайцева! Вот я и воспользовалась этим. Оставила мужа в Крыму, он там в отпуске, я вам говорила? А сама прилетела и встретила эту Грилл...

ВОПРОС: Кто был при том, когда она сказала вам о своем ощущении опасности вокруг вас?

ГОРЯЧЕВА: Абсолютно никого. В том-то и дело! Никто не мог это услышать, потому что она не говорила об этом вслух. Она написала это в своем блокноте по

дороге из аэропорта в гостиницу, когда мы говорили с ней о новых модах. Эту бумажку я у нее взяла и тут же сожгла.

ВОПРОС: Разве она говорит по-русски?

ГОРЯЧЕВА: Нет. Но я уже год учу английский по болгарскому методу. «Погружение» называется, может, слышали?

ВОПРОС: Кто еще был с вами в машине, когда вы ехали с ней из аэропорта?

ГОРЯЧЕВА: Кроме шофера – никого. Но он сидел впереди, а мы сзади, и он не мог нас видеть – это правительственный лимузин, между сиденьем шофера и нами – перегородка, толстое затемненное стекло...

ВОПРОС: Насколько точно вы знаете дату запуска израильтянами их спутника?

ГОРЯЧЕВА: Совершенно точно. Насчет этого урагана в Мексиканском заливе у нас нет, конечно, разведанных. А вот по израильским космическим разработкам... Они запустят свой спутник ровно через неделю. А покушение на нас стоит в газете сразу после этого. Значит, в нашем распоряжении только семь дней!..

ВОПРОС: Последний вопрос, Лариса Максимовна. Этот плащ на вас – он ваш или нет?

ОТВЕТ: Конечно, нет! Я же не идиотка носить такое! Нет, это вещи жены Курлацкого: и плащ, и сарафан, и шляпа, и даже очки. Я на ее машине смылась в аэропорт и по ее паспорту купила себе билет до Полтавы. Только туфли тут мои, у нее нога на три номера больше...

Я выключила магнитофон и откинулась на стуле. Рука устала писать протокол, а голова отказывалась верить тому, что я только что записала. Жена главы государства легко уходит от своей охраны, тайно посещает диссидента и его мать, а теперь – меня...

Но все выглядело правдоподобно – во всяком случае, она так думала. Я взглянула на нее.

Поняв, что допрос окончен, она расслабилась на стуле, вытянула вперед ноги с красивыми ляжками и снова сняла запыленные туфли-лодочки, давая отдых своим подагрическим косточкам.

Я встала, включила электроплитку и заварила в джезве ячменный кофе. Кофе я обожаю, но достать в Полтаве настоящий кофе просто невозможно. А ячменный кофе – это почти помой, одно название. Но если я возьмусь за дело, которое предлагает мне Горячева...

– Ну? Что вы думаете? – нетерпеливо сказала Лариса.

– Хотите кофе? – спросила я. – Правда, это ячменный эрзац, но...

Я сняла с электроплитки джезvu, пошла с ней к своему импровизированному письменному столу и по дороге... По дороге, посреди комнаты я как бы случайно споткнулась и опрокинула джезvu с горячим кофе прямо на туфли Горячевой. Она успела рефлекторно поджать ноги, чтобы уберечься от брызг, но ее туфли, ее красивые туфли-лодочки были залиты кофе. А я воскликнула в притворном ужасе:

– Ой! Что я наделала! Простите!..

Схватив эти туфли, я отошла к окну, к свету и стала вытирать их посудной тряпкой, громко ругая себя без остановки:

– Господи! Как же я споткнулась на ровном месте, идиотка такая! Но я вам другие куплю, честное слово!.. Черт, не оттирается! – Тут я что есть сил нажала на каблук – якобы для того, чтобы стереть с него кофейное пятно.

Каблук отошел от подошвы, точнее выдвинулся с негромким скрипом, словно сидел в потайных пазах. Конечно, этот каблук был пустотелый, как я и подозревала. А в нем... В нем была маленькая пластмассовая капсула-радиомикрофон, и я тут же «закрыла» каблук, задвинула его на место. При этом я все время говорила громко, не останавливаясь:

– Господи, какая я неумеха! Этот ячменный кофе не оттирается! «Made in Italy» – такие туфли я вам, конечно, нигде не достану, но деньгами...

– Да бросьте! – сказала Горячева. – У меня таких туфель!..

«Интересно, сколько же у нее таких туфель? – подумала я. – Ведь она, как жена главы правительства, не может каждый день ходить в одной и той же обуви вроде нас, смертных. Она должна менять туфли даже по нескольку раз в день: утром, для деловых встреч, – одни, вечером, для концерта или дипломатического приема, – другие. И в каждую пару туфель кто-то вставил по микрофону? Но кто? КГБ? Милиция? Кремлевская охрана? Кто бы они ни были, они слышат сейчас каждое ее слово...»

Все эти мысли мигом пронесли у меня в голове, но их тут же сменила другая: как же быть? Принимать предложение Горячевой или отказаться? Впрочем, я ведь уже в игре. В их игре. В радиусе не больше километра от моего чердака находится сейчас кто-то, кто слышал, как Горячева рассказала мне про будущее покушение и как я «случайно» оступилась, вылила кофе на туфли и выдвинула каблук. Скрип этого каблука в скрытых пазах подошвы должен был отозваться в наушниках слушача с десятикратной силой...

Так как же быть?

Пока речь шла об американской гадалке, ее предсказаниях и таинственном исчезновении из гостиницы «Пекин», я могла считать это Ларисиной паранойей. Даже ее муж, Михаил Горячев, не принимал эти предсказания всерьез. Но микрофон в каблуке меняет дело! Если кто-то следит за каждым шагом Ларисы, то этот «кто-то» был, конечно, и при ее встрече с американкой. И если американка исчезла в первый же вечер, то похитить ее мог тоже только этот «кто-то». Значит, американка и вправду могла сорвать задуманное покушение. Но в таком случае – покушение реально!

И вдруг впервые за все это время я подумала: да, покушение возможно! Почему-то не страстные заклинания Ларисы Горячевой и даже не предсказания американской гадалки, опубликованные в газете еще восемь месяцев назад, а именно мини-микрофон в каблуке убедил меня в этом...

– Так что вы решили? – нетерпеливо спросила Горячева.

Я подошла к своему комоду, встала на колени, выдвинула нижний ящик и достала из него картонную коробку. В коробке, тщательно завернутые в чистую бумагу, лежали мои единственные выходные туфли – финские, 110 рублей пара! Я вытащила их, развернула, потом передвинулась на коленках к Ларисе и стала надевать туфли ей на ноги. Как я и думала, у нас с ней оказался один размер...

– Вот поносите пока мои... – говорила я. – У нас с вами один размер. А то я ваши так уделала кофе... Завтра по дороге на работу я занесу их в химчистку, может, они отчистят...

Это была поклевка, брошенная наобум. Тот, кто нас слушал, должен был понять, что ее туфли останутся у меня...

– Да при чем тут туфли! – нетерпеливо отмахнулась Горячева. – Я спрашиваю: вы принимаете мое предложение или нет? – И не выдержала, крикнула мне в лицо: – Да или нет?

– Я хочу подумать до завтра, – ответила я буднично, словно речь все еще шла о туфлях, а не о жизни ее и мужа. – Не сердитесь, Лариса Максимовна. Понимаете, это все так неожиданно, что...

Но Горячева уже вскочила и шагнула к двери.

– Дура! – крикнула она мне с порога. – Я тебе, как родной дочери, доверилась! А ты... Дура! Все вы так! Сволочи! Трусы! – И, яростно хлопнув дверью, вышла.

Ее, а точнее, мои каблукы громко процокали по лестнице, а затем – под моим окном. Я высунулась в окно, чтобы оки-

нуть взглядом окрестность. Лариса быстро шагала по тротуару. Братья-палестинцы Василь и Руслан мирно играли на тротуаре – резали на части мохнатую гусеницу. Лариса переступила через них и пошла дальше. На углу Карла Либкнехта стояла худющая, как собака, свинья Розка и, загораживая Ларисе дорогу, с громким чавканьем жевала опавшие каштаны. Но Горячева и тут не свернула с пути. Даже не замедлив шага, она так пнула свинью ногой, что Розка, трусливо хрюкнув, отскочила в сторону...

А я еще раз оглядела сверху свою тихую улицу. В тени желтеющих тополей и каштанов стояли белые, мазанные известкой хаты с дворами – огородами и яблоневыми садами. Где-то за этой рыже-осенней зеленью прятались те, кому я сейчас очень нужна. Я не видела их, но поздравила себя. По моим подсчетам, у меня было не так уж много времени для того, чтобы приготовиться к очередному стуку в дверь.

17.12

Они пришли через двадцать семь минут. Честно говоря, я ждала их раньше, но, наверное, у них были осложнения на пути Ларисы к аэропорту. Не исключено, что по дороге туда она пнула ногой не только свинью Розку...

Однако и я не теряла времени зря! За эти двадцать семь минут я не только спешно расставила по местам свою нехитрую мебель, но и, быстро умывшись, переделалась в свой парадный милицейский мундир, подпоясалась ремнем с кобурой, в которой лежал мой «ПМ» – пистолет Макарова, и самым тщательным образом навела марафет на лице – даже польские тени для век употребила, что делаю только в исключительных случаях, французская и финская косметика исчезли из продажи уже лет восемь назад, а теперь и польские тени для век стали появляться все реже – наверное, из-за «Солидарности».

Конечно, я понимала, что, занимаясь марафетом, я окончательно теряю нитки «мохер», но черт с ними, с этими нитками. Мне теперь не до мохера! Ни за что ни про что, вдруг, как подарок с неба, как выигрышный лотерейный билет, я получила редкий, да что там редкий – единственный в жизни шанс выскочить из этой украинской провинции, из ежедневной рутины разбора пьяных драк в очередях, охо-

ты за подпольными абортами, самогонщиками, проститутками, наперсточниками, жуликами-кооперативщиками и прочим быдлом. А кроме этого шанса...

«Господи, Анька, только не загадывай!» – твердила я себе, лихорадочно вертясь перед маленьким зеркальцем, стоявшим на комодке. Но в глубине души я, конечно, загадывала и не меньше как на молодого московского принца с погонами полковника КГБ. Почему я считала, что за Ларисой следит именно КГБ – не знаю. Наверное, потому, что она сама назвала их своими врагами номер один. «Что ж, – думала я, – при любом раскладе – раз они разрешили Ларисе приехать ко мне и не мешали ей исповедаться в моей комнатухе, значит, у них будет какое-то предложение, и я могу себе представить какое... Но уж я поторгуюсь, уж я не продам себя задешево! А может быть, и вообще не продам – это мы еще посмотрим по обстоятельствам!»

Конечно, горячевская перестройка не прибавила мне зарплаты, а гласность нам, милиции, вообще поперек горла. Но, с другой стороны, если сорвать покушение и получить за это работу и квартиру в Москве, то я с удовольствием буду за перестройку – перестраивать других очень приятно, нет разве?..

Во всех случаях – я не упущу свой шанс! Где ты, мой принц с погонами полковника? Это Лариса поймала свой шанс и выжала из него все – даже покупает себе в Париже бриллианты за государственный счет! А теперь и я не упущу...

щу свой шанс, и никаких, пожалуйста, сантиментов, старлей Ковина! Первым делом – вырваться из этой украинской дыры! Там, в Москве, кипит жизнь, там мужчины, фестивали, театры и рестораны, а здесь – тоска! Сонное свиное царство, хлебающее самогон. Что касается мужчин, то с тех пор, как Петр Первый разбил здесь шведов, настоящие мужчины в Полтаве не появлялись – ну разве что африканцы и палестинцы в летном училище. Но меня эти арабы не интересуют, хотя я, конечно, за дружбу народов. Просто мне не понятно, почему мы все время выбираем в друзья не французов или красавцев шведов, а каких-то чучмек. Короче, откровенно сказать, в постели я, наверное, расистка. Но и братья-славяне, то есть местные полтавские мужики – Господи! Выжрать бутылку самогона и закусить чесночной колбасой с галушками – вот романтические мечтания нынешнего полтавского мужчины. Так можно ли встретить отца своего ребенка среди этого сорта мужчин!..

Короче, ожидание резкого поворота личной судьбы кипятило мне кровь и красило горизонт золотой перспективой...

А сквозь окно, черт знает откуда – снизу от Оксаны, сбоку от Гринько или от соседней напротив, – влетал радиоголос:

«В еженедельнике „Московские новости“ историк Рой Медведев рассказывает, что в январе 1976 года кремлевским врачам с большим трудом удалось вывести Брежнева из состояния клинической смерти и с тех пор генсек постоянно находился в сенильном состоянии, с трудом осознавая про-

исходящее вокруг. В еженедельнике „Аргументы и факты“ сообщается о дефиците советского государственного бюджета и о том, что 20 процентов советского населения живут ниже уровня бедности...»

Рехнуться можно, честное слово! С тех пор как началась гласность и наши перестали глушить «голоса из-за бугра», все слушают всё и все говорят про всё, и уже не поймешь, где «вражеские голоса», а где Московское радио... Но звук притормаживающей машины за углом я выдержала героически, как Зоя Космодемьянская, – даже не сделала шага к окну. Пусть они не думают, что я жду их с таким уж трепетом!

Вот хлопнула дверца машины – интересно, это «Волга» или «Чайка»?

А вот и мужские шаги по лестнице. Легкие, быстрые шаги...

Я села на стул.

Кто-то быстро (но не бегом) поднялся по лестнице, остановился у моей двери и, даже не потратив секунды на то, чтобы прислушаться, постучал...

– Открыто! – крикнула я чуть громче, чем собиралась. И встала, хотя задумала встретить Его сидя.

Он толкнул дверь.

Господи, почему мы всегда получаем крайнюю противоположность того, о чем мечтаем?! Ну, я понимаю, что выполнить все наши мечтания не может даже Всемогущий, но не нужно все! Хотя бы частично...

На пороге стоял маленький сутулый человечек с сигаретой во рту, в потертом летнем кримпленовом пиджаке стального цвета, в мятых и обсыпанных пеплом брюках и с таким носом-рубильником, что вопрос о возрасте и воинском звании этого «принца» меня уже не интересовал. Он мог быть даже генералом, но при таком носе это уже не имело значения. Я не могу сказать про себя, что я такая ярая антисемитка, как моя хозяйка Лидия, но просто – зачем мне еврей? Хотя последние пару лет каждое детское личико приводит меня в какое-то сентиментально-страдальческое состояние (все-таки мне 29 – пора рожать, пора), но даже в жутком сне я не могу представить себе, что смогла бы растить сына, сопливого, носатого и гнусавого, как все жидинята...

– Здравствуйте! – энергично сказал этот еврей. – Это хорошо, что вы нас ждете. У нас мало времени: последний рейс через двадцать минут, да и то через Харьков. Где ваш чемодан? – И он с недоумением огляделся по сторонам.

– Какой... чемодан? – спросила я врасстяжку и с явным недоброжелательством к этому типу. Еще минуту назад я думала, что они будут меня уговаривать, а я, поломавшись, соглашусь, поставив ряд условий. И вдруг вместо приятной дипломатии с красавцем полковником – этот нахальный крохотный еврей, который даже не смотрит в мою сторону, а собирается взять меня, как какую-то вещь. – Какой рейс? – Я даже села. – Кто вы такой?

– Вы прекрасно знаете, кто я такой, вы же крикнули мне

«открыто!» – усмехнулся он, глянув мне прямо в глаза своими карими глазками. И затянулся сигаретой. – Я начальник личной охраны семьи Горячевых, моя фамилия Гольдин. Через двадцать минут мы вылетаем в Москву, завтра утром там с вами поговорит кое-кто повыше меня, но я думаю, что вам и так ясно: вы завтра же примете предложение Ларисы Максимовны и станете ее персональным следователем. Ну, где ваш чемодан?! – вдруг сказал он раздраженно. – Какого черта вы сидите? Вы летите с чемоданом или без?

Это уже взбесило меня. Жиденек чертов!

– Извините, я никуда не лечу... – сказала я холодно.

Он взглянул на меня как-то иначе – по-птичьи скосив не только глаза, но и всю голову. Так смотрят на неожиданно возникшее препятствие, думая, как с ним быть: перепрыгнуть, обойти или разрушить? Я постаралась не отвести взгляда.

– Гм... – Он оглядел комнату, пройдя взглядом по Ларисиным туфлям так вскользь, словно они его и не интересовали. Загасил окурок о свой каблук, выбросил его в открытое окно и тут же вытащил из кармана пиджака пачку «Oral», выбил сигарету и чиркнул зажигалкой, закуривая. – И телефона у вас, конечно, нет? Ну, хорошо. Все равно я старше вас по званию, я майор. – Тут он сунул руку в задний карман брюк и достал помятые, словно изжеванные «корочки» – милицейское удостоверение. – Старший лейтенант Ковина, встать!

Мне пришлось подчиниться, хотя сделала я это с демонстративной небрежностью. Однако кое-что я все-таки выяснила: Горячеву ведут не гэбэшники, а мои коллеги – милиция. Но лучше это для меня или хуже?

– А теперь – шагом марш вниз, в машину!

– Приказывать мне может только мой начальник...

– Он и прикажет! Внизу, по телефону! Возьмите туфли Ларисы...

Внизу, у калитки, стояла не «Волга» и не «Чайка», а простой «козел» – задрипаный «газик»-пикап. И конечно, возле него уже крутились братья-палестинцы Василь и Руслан, а из открытых окон всех соседних домов под аккомпанемент московских, киевских, мюнхенских и вашингтонских дикторов на меня зырились соседи – Катька Гринько и прочие.

Я быстро села в машину. Внутри «газика» половину салона занимала какая-то обшарпанная радиоаппаратура, перед ней сидел оператор с наушниками на голове.

– Ну? – нетерпеливо спросил у него Гольдин, одной затяжкой выкурив чуть не треть сигареты.

– Все нормально, – доложил оператор. – Она уже летит в Москву прямым рейсом, и с ней все наши. Только Трофимов остался, держит нам харьковский рейс.

– Вызови министерство, дежурного. – Гольдин сел за руль, завел мотор. Затем взял у меня из рук левую Ларисину туфлю, сдвинул каблук, вытащил из него черную капсулу радиомикрофона и небрежным жестом сунул ее себе в карман.

Между тем оператор пощелкал какими-то рычажками, потом сказал в микрофон: «Ленуся, дай мне дежурного по конторе», – и еще через пару секунд Гольдин уже коротко сообщал этому дежурному по Министерству внутренних дел СССР о том, что ему нужна полтавский следователь Анна Ковина. После этого оператор тут же соединил того дежурного с домашним телефоном майора Тимощука, начальника следственного отдела Полтавской городской милиции. Не вдаваясь ни в какие разговоры, московский генерал сказал моему полтавскому боссу:

– Товарищ майор, с этой минуты следователь Ковина поступает в распоряжение майора Гольдина. Все. – И отключился.

Гольдин высунулся из кабины, шуганул от колес Василя и Русланчика, а потом отпустил сцепление и дал газ. Машина рванула с места на такой скорости, что меня откинуло в жестком сиденье. Но Гольдин, конечно, не извинился. Держа в зубах сигарету, он погнал так, что сонные полтавские гуси едва успевали выскакивать из-под колес, заполошенно крича и хлопая крыльями.

День второй

Суббота, 10 сентября 1988 года

4

09.15

С генералом Власовым я была знакома заочно и еще до того, как он стал министром внутренних дел СССР. Четыре года назад поиски группы подпольных спекулянтов сибирским золотом привели меня в Ростов, и я застала там полный разгром местной милиции: новый первый секретарь Ростовского обкома партии Александр Власов разогнал буквально весь ростовский милицейский аппарат, по уши купленный местной мафией. Именно это позволило мне тогда довольно быстро найти конец «золотой цепочки», которая тянулась из Сибири на юг России, в карманы ростовских, краснодарских и ставропольских «лимонщиков» – на короткое время эти киты подпольного бизнеса остались без милицейского прикрытия. А еще через два года бывший сосед Власова – секретарь Ставропольского обкома партии Михаил Горячев – став Генсеком, забрал Власова в Москву, сделал его сразу генералом и министром внутренних дел, чтобы Власов вычистил из милиции брежневскую коррупцию – Чурбанова,

Федорчука и прочих... Безусловно, этот Власов должен был хорошо понимать, что усидит в министерском кресле ровно столько, сколько Горячев в своем кремлевском – ни минуты больше. Поэтому, с точки зрения Горячева, было вполне логично доверить личную охрану своей семьи именно Власову, а не Чебрикову. Но интересно, как это произошло, ведь охрана кремлевских вождей – прерогатива КГБ, и только КГБ...

Помощник министра открыл наконец дверь в министерский кабинет, я пересекла приемную и, шагнув через порог, вытянулась по стойке «смирно», вскинула правую руку к виску:

– Товарищ генерал, старший лейтенант Ковина явилась по вашему приказанию!

Я думала, что он сразу же скажет «вольно» и сухо перейдет к делу, как это происходит всегда в высоких начальственных кабинетах. Тем более что, пока я ждала этого приема, я ясно ощутила лихорадочную нервозность во всем здании министерства. В коридорах хлопали тяжелые, обитые кожей двери и стучали быстрые шаги подкованных офицерских сапог, в кабинетах звенели телефоны, а за окнами, на улице Огарева, то и дело причаливали к министерскому зданию черные и синие служебные «волги»... А ведь сегодня суббота! И это министерство, а не оперативная часть – по субботам в министерстве должен сидеть дежурный, ну, пусть пять дежурных, а все остальные отдыхают. А тут народу полно, как в будни, даже министр на работе, спешка, лихорадоч-

ность. Значит – ЧП, и у министра нет и не может быть времени на какую-то Ковину, провинциального полтавского следователя...

Но не тут-то было! Эти двое – министр Александр Власов, крупный пятидесятишестилетний брюнет с комсомольским чубом, пробитым проседью, и с лицом, округлившимся от министерского питания, и уже знакомый мне пигмей Гольдин – сидели в креслах в глубине кабинета и разглядывали меня издали долгим, изучающим и, могу поклясться, мужским взглядом. Этот особый мужской взгляд я всегда чую сразу, всем телом, и главное, животом и грудью. Живот в таких случаях мгновенно подбирается, а грудь твердеет и даже выпячивается сосками.

Но тут я и так стояла, максимально вобрав живот и выпятив грудь, как положено по стойке «смирно», так что больше выпячивать было нечего.

«Наглые твари, – выругалась я мысленно, продолжая стоять перед ними навтыжку в этой явно затянувшейся паузе. – Наглые твари!» Откровенно, в упор, как кобылу на ярмарке, щупают меня глазами – шею, грудь, ноги...

Большой белый телефонный аппарат слева от Власова не зазвенел, а издал какие-то низко-вальяжные короткие гудки.

– Опять! – Власов выразительно поглядел на Гольдина, сокрушенно вздохнул и снял трубку. – Слушаю... Нет, к сожалению, пока ничего... Безусловно!.. Можете мне поверить, Лариса Максимовна, люди работают без перерыва. Даже я,

как видите... Непременно... Я сам контролирую... Алло?

Похоже, на том конце бросили трубку, но Власов еще послушал свою и осторожно положил ее на рычаг. Только после этого поднял на меня глаза и увидел, что я все стою по стойке «смирно».

– Вольно, вольно... – спохватился он и показал на кресло у своего стола. – Присаживайтесь...

Это «присаживайтесь» показало, что Власов, при всех его генеральских погонах, все-таки был человек гражданский. Кадровый сказал бы формально-уставное «садитесь».

Я подошла к огромному письменному столу министра. Ножкой от буквы «Т» к нему был приставлен стол для заседаний. По одну сторону этой «ножки» майор Гольдин утопал в высоком кожаном кресле – не знаю, доставал ли он ногами до пола. Я села в кресло напротив него и только тут обратила внимание на стены кабинета. Обитые светлыми деревянными панелями, они были совершенно пусты, без единого портрета, даже Ленина не было. А за широким окном, поверх крыш старых домов, был виден Кремль и над ним – низкое небо, набухающее осенним дождем...

– Ленина на стенке ищите? – усмехнулся Власов, словно прочитав мои мысли.

Я промолчала.

– Владимира Ильича мы чтим, не волнуйтесь, – продолжал Власов, все разглядывая меня. – Но портрет его я в кабинете не вешаю после одной истории... – Он откинулся в

своем кресле. – Хотите расскажу?

Кто может запретить министру рассказывать истории? Даже если сама Горячева названивает ему, а все в министерстве бегают, как в лихорадке...

– Н-да, смешной случай... – сказал Власов, расстегивая верхний крючок кителя. Ему было явно тесно в генеральском кителе, и вообще от сидячей работы все они в этих креслах становятся шире своих мундиров. – Дело было двадцать лет назад, еще в Иркутске, – продолжал Власов, – я там был вторым секретарем обкома партии. И чуть не каждую неделю к нам приходила одна старуха – требовала жилье. Ну, с жильем у нас и до сих пор плохо, а тогда, сами понимаете, очереди на семь лет вперед. А она ходит и ходит – из одного кабинета в другой, везде орет, что пострадала за советскую власть. Мол, лично Деникин ударил ее прикладом по голове! И вот приходит она ко мне на прием, я тоже спокойно объясняю ей про очереди, про то, что многодетные рабочие семьи у нас еще в халупах живут, и нет у нее никаких привилегий раньше их получить квартиру. А она увидела на стене портрет Ленина и вдруг как закричит: «Ленин, ты видишь, что они с нами делают?! Ленин, ты видишь?!»... Ну и пришлось дать ей комнату, – закончил Власов под хохот Гольдина. – А портреты я с тех пор не держу в своем кабинете, никакие... Да, ну что ж, поговорим о Ларисе Максимовне. – Власов кашлянул, вытащил из ящика стола пачку «Мальборо» и спросил у меня: – Курите?

– Никак нет, товарищ генерал, – ответила я по уставу, хотя и рассказанная им история, и предложение закурить были явно рассчитаны на установление, так сказать, неуставных отношений. Гольдин огорченно вздохнул – видимо, сам закурить в кабинете министра не решался, а вот со мной за компанию... Но, черт возьми, не на ту напали – сначала разглядывали меня, как кобылу на ярмарке, а теперь... Нет, я им не шлюха из валютного бара – плевать на анекдоты и импортные сигареты.

Похоже, Власов понял меня и на этот раз. Сказал сухо:

– Хорошо. К делу. Вы, Ковина, попали в это дело случайно – не я вас выбрал и не Гольдин. Вас выбрала сама Горячева – без всякого нашего участия, поверьте. Но обратного хода для вас я не вижу, потому что теперь вы посвящены в личную жизнь главы государства. Больше того: в ту часть его жизни, которая является тайной. Вы понимаете, о чем я говорю? Жена товарища Горячева нездорова. Я не хочу сейчас обсуждать, есть у нее основания для паники в связи с предсказаниями этой американки или нет таких оснований. Факт есть факт: на почве мании преследования она может стать психопаткой. Вы думаете, почему я сейчас тут сижу, а все министерство ходуном ходит? Вот из-за этих ее звонков... Конечно, такая психопатия лечится. Элиниум, психоанализ, гипноз... Но она категорически не желает видеть врачей, ей всюду чудится заговор. И даже мне не доверяет – мне, который усидит в этом кресле ровно столько, сколько Михаил

Сергеевич – в своем. Вы видите, я с вами совершенно откровенен. Вы же знаете положение в стране: бюрократия саботирует перестройку. Они гноят на складах даже те продукты, которые есть, чтобы народ обвинил в голоде Горячева и перестройку. Поэтому сегодня каждый должен сделать свой выбор. Лично мы с Гольдиным сделали свой выбор два года назад. Может быть, по разным причинам, но... Мы будем с Горячевым до конца! А вот у вас случай особый. Совершенно случайно вы вдруг оказались в центре личной драмы главы государства. Конечно, у нас есть возможность вас изолировать. Например, отправить следователем на Таймыр или на Диксон. Но одно обстоятельство удерживает меня от этого. Лариса Максимовна вам доверилась – сразу, с первого взгляда! А она очень замкнутая женщина, уж поверьте мне! А перед вами – даже расплакалась! Поэтому вы для нас просто находка, я не скрываю. Так пусть она считает вас своим детективом, личным Шерлоком Холмсом – пусть! А мы через вас попробуем ее лечить. То есть вы будете иметь все: постоянную связь с лучшими психиатрами, прямой контакт со мной и, может быть, даже с самим Михаилом Сергеевичем. Подчеркиваю, он очень озабочен состоянием жены, и если она выбрала вас... И вообще почему вам не помочь ей? Просто по-человечески помочь...

Я поняла. Либо ссылка на Таймыр, либо – стать шпионкой Власова при Горячевой. В одной этой строке весь смысл его длинной речи. А все остальное вплоть до перестройки

и человечности – пена. Но елки-палки, Анька! Что происходит? Неужели Горячев хочет избавиться от Ларисы, объявив ее психопаткой?! А я-то думала – КГБ, заговор...

– Товарищ генерал, могу я задать один вопрос?

– Да хоть сотню, Анна Александровна!

Опять это стремление навязать равные, панибратские отношения! Как с профурсеткой, которую вербуют не то в стукачки, не то в любовницы, а то и на обе роли вместе! А ведь куда проще отдать приказ: «Старший лейтенант Ковина, вам поручается то-то и то-то. Можете идти!» Но они меня уговаривают, и именно это заставляло меня быть настороже. Когда мужчина (а тем более в милицейских погонах и в ранге министра!) при первой же встрече говорит, что он с вами совершенно откровенен – только дуры клюют на это, поверьте мне, следователю!

Я посмотрела Власову в глаза:

– Зачем вы похитили эту американку?

Власов быстро глянул на Гольдина. В этом взгляде была растерянность, как при допросе свидетеля, пойманного в ловушку. И в этот миг снова прозвучал низкий телефонный гудок.

– Видите? – Власов показал мне на белый телефонный аппарат. – Опять Лариса – шестой раз за утро... – Он снял трубку. – Слушаю... – И тут же изменил тон, даже выпрямился в кресле: – О, Михаил Сергеевич! Доброе утро!.. Да, мне тоже – сегодня уже пять раз... Я понимаю... Вот у меня

как раз сидит товарищ Ковина. Вчера Лариса Максимовна летала к ней в Полтаву... Да, конечно... Вы все-таки решили прилететь?.. Обещаю, что к вашему приезду... – Власов не договорил, положил трубку и еще подержал руку на аппарате, словно ожидая, не зазвонит ли тот снова.

«Так, – подумала я, – если Горячев решил прилететь из отпуска, то, похоже, игра вступает в решительную фазу».

Оторвав наконец взгляд от телефона, Власов посмотрел на меня и на Гольдина:

– Слыхали? Она все же сорвала его из отпуска! Завтра он будет в Москве... – И не удержался, выругался в сердцах: – Вот черт!.. – И требовательно посмотрел на меня: – Так. Что вы решили?

– Товарищ генерал, – сказала я как можно мягче, – вы разрешили мне задать вопрос...

– Да, верно, – нетерпеливо ответил Власов, думая о чем-то своем. И приказал Гольдину: – Объясни ей!

Но Гольдин сказал:

– Мы, Аня, ответим на все ваши вопросы. Но только после того, как вы скажете, что вы решили.

Уже по тому тону, каким он это сказал, даже не взглянув на Власова, я поняла, что этот жид хотя и не рискует курить в кабинете, но пользуется здесь большим весом. Что мне оставалось делать! Отказаться работать на них и укатить на Таймыр?

– Я согласна, – сказала я.

– Замечательно! – тут же обрадовался Гольдин. – Значит, так. Сейчас мы отправимся в ГУМ, вас нужно переодеть в гражданское. Александр Владимирович даст приказ в ХОЗУ выдать вам командировочные...

– Извините, товарищ майор, – сухо перебила я. – Товарищ генерал приказал вам ответить на мой вопрос.

Гольдин покачал головой:

– Въедливая вы баба, Ковина. Ладно, слушайте. Во-первых, мы здесь не такие уж круглые атеисты, чтобы с ходу отмести предсказание этой гадалки. Тем более что многие ее пророчества действительно сбылись. Но вы помните, что сказано в предсказании? «В Москве состоится покушение на Горячевых». В Москве! Поэтому пока Михаил Сергеевич был в Крыму, мы были более-менее спокойны и сами занимались поисками заговора. А все эти Ларисины закидоны-звонки и даже полет к вам в Полтаву – с этим мы как-то справлялись. Но если завтра Горячев прилетит в Москву, то... Ситуация резко меняется. Мы не можем рисковать Горячевым. Если его убьют – все, катастрофа, в стране начнется гражданская война. Нам нужно, чтобы он уехал – не важно куда. И вам придется внушить это Ларисе, вам это будет сделать легче, чем нам... – Тут Гольдин повернулся к Власову и не то объяснил ему, не то спросил одобрения: – Если Горячевы уедут, у нас будет еще несколько дней, чтобы найти эту американку...

Власов согласно кивнул головой, а я вперилась в них гла-

зами – и уже ничего не понимала:

– То есть как? Разве... Разве не вы ее похитили?

Гольдин отрицательно покачал головой.

– А кто же?! – тупо спросила я, понимая, что все мои предположения рушатся. Или... или они и со мной играют в какую-то игру?

Гольдин беспомощно развел руками.

– Мы не знаем, кто ее похитил. И в этом, Аня, вся загвоздка.

11.44

В Доме моделей на проспекте Мира шла фотосессия для очередного номера советского варианта западногерманского журнала «Мода». Выпуск «Моды» в СССР стал возможен только благодаря личной поддержке Ларисы Горячевой, да и то очень малым тиражом 5 из-за сильной нехватки бумаги в стране. Даже такие соловьи перестройки, как про-про-прогорячевские «Московские новости» и «Огонек», не смогли в этом году увеличить свой тираж, хотя люди расхватывали их уже в шесть часов утра. А очереди за ними выстраивались еще раньше...

Ну а «Мода» с первого же номера стала еще одним, сто-тысячным, наверное, предметом спекуляции на черном рынке. Еще бы! Яркие фото роскошных девочек в еще более роскошных нарядах! Глянцевая бумага! Реклама супермодных вечерних платьев, ожерелий, духов, купальных костюмов, сумок, туфель, норковых шуб, легковых автомобилей, косметики, бюстгальтеров, колготок, массажных машинок, домашних саун и так далее, и так далее – всего, что у нас достать совершенно невозможно, разве в валютных магазинах «Березка», но кто пустит в эти магазины простую советскую женщину? Так хоть посмотреть! Хоть увидеть, как нормальные люди живут! Даже полтавские бабы платили спекулян-

там за «Моду» по десять рублей при ее официальной цене 75 копеек.

Но уже после появления первых номеров журнала в стране возник ропот: эта «Мода», мол, только дразнит наших женщин, только развращает наших дочерей, которые видят теперь, как ужасно они одеты, обуты и покрашены. А кто виноват в этом? Лариса Горячева! Мало того, что сама шляется по заграницам, так еще в этой «Моде» показывает нашим бабам, как живут бабы на Западе – например, в той же разгромленной нами Германии! А на хера? На кой черт нам это показывать, если у нас в магазинах такой одежды нет и никогда не будет?

Редакция советского издания «Моды» срочно переориентировалась. Теперь наши и немецкие манекенщицы щеголяли на журнальных фотографиях в нарядах из советских Домов моделей, из наших экспериментальных пошивочных фабрик хозрасчета и кооперативных ателье мод. Причем повсюду, под каждой фотографией, крупным текстом было написано, какая из наших пошивочных фабрик выпускает или собирается выпускать это изделие и по какой цене... Конечно, популярность и цена журнала на черном рынке тотчас упали от этой метаморфозы – кому нужна эта советская мода?! Да еще по таким жутким ценам – 300 рублей за меховую шапку, 500 – за платье, 770 – за пальто...

Но редакция продолжала свою работу, и сейчас в Доме моделей все были заняты подготовкой очередного номе-

ра именно такого, советского варианта «Моды». Легендарный Слава Зайцев, то есть наш советский Пьер Карден, – сорокапятилетний, высокий, круглолицый, короткостриженный и одетый в темно-вишневый приталенный костюм и бледно-голубую рубашку с высоким воротником – женственно-быстрой походкой шел вдоль длинного ряда вешалок с платьями а-ля советская деловая женщина. За ним двигалась группа ассистенток. Зайцев приказывал взять это, это и это платье или костюм. Очередная ассистентка снимала указанное вместе с вешалкой и уносила в сторону, к большому зеркалу, возле которого толклись, наверно, двадцать манекенщиц, надевая то, что выбрал Зайцев, и подбирая к этому наряду туфли, сумочки, зонты...

Рядом с ними на стоящих вразброс стульях расположились редакторы «Моды», тут же стояли их фотографы – крутя головами, причмокивая, цокая или тоскливо вздыхая, все они по-русски и по-немецки оценивали предлагаемые Зайцевым туалеты, выбирали то, что казалось им соответствующим советскому стилю, приказывали манекенщицам заменить туфли или сумки, повернуться под светом ярких юпитеров, встать в профиль, поднять колено, отвести локоть, сесть в деловое кресло...

Отобранные модели подходили на утверждение к главному редактору советского издания – толстой молодой немке фрау Шитке и к Ларисе Горячевой, которая принимала участие во всей этой работе как внештатный, но полноправный

член редколлегии журнала. Шитке, у которой над верхней губой явно пробивались усы, и Горячева сидели в креслах, перед ними на пюпитре были гранки страниц будущего номера журнала с пустыми пятнами для фотографий, рекламные проспекты западных фирм, прочие бумаги. Проглядывая их и одновременно оценивая крутящихся перед ними манекенщиц, Горячева и Шитке, почти не споря, утверждали или браковали предлагаемые Зайцевым модели и через весь зал переговаривались с ним по поводу фона, на котором эти модели нужно фотографировать.

– Только не церкви и не березки, Слава, я тебя умоляю! – почти на чистом русском языке и почти мужским басом говорила толстуха фрау Шитке.

– Хорошо, на фоне Мавзолея! – довольно дерзко отшутился Зайцев.

– Просто на Солянке, в толпе... – предложила Горячева.

– Тогда сначала нужно одеть толпу, – сказал Зайцев.

Как я поняла из этих разговоров, сразу после утверждения Горячевой и Шитке новых моделей пять немецких фотографов помчат манекенщиц в разные концы Москвы снимать их на Новом Арбате, Ленинских горах, набережной Москвы-реки, Пушкинской площади, Речном вокзале и прочих историко-архитектурных фонах. Но только не на фоне толпы! Если этих голенастых «деловых» манекенщиц в стильных костюмах пустить в нашу уличную толпу, они будут выглядеть инопланетянками...

Я стояла при входе в зал, в полутьме и издали наблюдала за Горячевой. Ее лицо не выдавало ни внутренней истерики, ни терзающих ее страхов, ни вообще каких-либо признаков душевной болезни. Деловая, уверенная в себе дама, со вкусом одетая, с короткой рыжей стрижкой. Во всем этом зале только я одна знала, что сейчас происходит в ее душе.

Собственно, потому я и торчала здесь, подпирая плечом дверной косяк. И конечно, я тоже была одета по-деловому – но не так стильно, как эти манекенщицы, а так, как два часа назад успела одеться в ГУМе на сорок рублей, выданных мне в Хозуправлении МВД по записке Власова. «Извините, – смущенно сказал мне Власов, подписывая направление в ХОЗУ, – больше четырех рублей в сутки я не имею права вам выписать...»

– Я же говорил: возьми с собой чемодан с вещами, – терзал меня Гольдин, когда мы вышли из МВД. Конечно, в зубах у него уже опять дымила сигарета.

– Да у меня в Полтаве и нет ничего. Пара юбок... – Сидя в его милицейской «Волге», я ошалело вертела головой, потому что на улице Горького происходило то, о чем в Полтаве мы знали только из газет да по «Голосу Америки». Здесь, у Центрального телеграфа, бурлила большая толпа крымских татар с плакатами «Прекратите геноцид!» и «Пустите нас в Крым!». Они запрудили всю мостовую на выезде с Огарева на Горького, шумели, что-то выкрикивали и пытались прорваться сквозь милицейский заслон вниз по Горького – ско-

рей всего к Красной площади. Милиция суетливо перекрывала улицу полосатыми барьерами, а снизу, из проезда Ермоловского театра и с улицы Белинского, выкатывали на Горького крытые армейские грузовики и автобусы – явный признак предстоящих арестов. В просвете меж этими грузовиками мне бросилась в глаза театральная афиша: «Второй год свободы». «Вот уж действительно, – подумала я, – второй год свободы: на улице первого русского демократа Огарева – МВД, на улице просветителя России Белинского – милицейские грузовики. Парадокс истории!»

Тем временем Гольдин, совершенно не обращая внимания на происходящее вокруг, буквально въехал в толпу.

– Стойте, вы же задавите женщину!

– Если сейчас пережить все демонстрации – лучше дома сидеть, – ответил он и продолжил наш спор: – А сколько тебе надо юбок?! Ты в служебной командировке!..

– А сколько юбок у вашей жены?

– А хрен ее знает! Я с ней еще не знаком!

Так, переругиваясь, мы выбрались из татарской толпы и доехали до ГУМа, причем Гольдин все время внушал мне, что я не должна покупать ничего лишнего, а только то, что могла бы взять с собой из Полтавы, если бы приехала в Москву сама, в одиночку...

– Как будто на ваши сорок рублей вообще можно хоть что-то купить! – язвила я.

– Остальное тебе купит Лариса, вот увидишь! Главное,

чтобы ты явилась к ней естественно – как с самолета. То есть помятая...

Вчера в полтавском аэропорту при посадке в самолет нас действительно помяли изрядно – пассажиры сейчас, в конце летнего сезона, штурмуют самолеты так, словно в них дают апельсины. Потом мы час двадцать просидели в самолете, не взлетая, и даже Гольдин не смог выяснить почему. Потом была еще давка при пересадке в Харькове... Короче, в Москву мы попали только к ночи, измятые и измочаленные, как помидоры в государственном магазине.

– А какие у вас особые причины быть за Горячева? – приставала я к Гольдину по дороге в ГУМ.

– Есть причины, не все тебе знать, – сказал он и выматерил очередную выбоину на мостовой, на которой нас здорово тряхнуло: – Ну и дороги стали! Центр города!

Действительно, пять лет назад, когда я была в Москве последний раз, мостовые здесь не были так разбиты, да и фасады домов выглядели почище. Впрочем, не это меня сейчас интересовало.

– Неужели вы раньше не могли вмешаться в эту историю с гадалкой? – сказала я Гольдину. – Чтобы лечить Горячеву с самого начала?

– Раньше! – усмехнулся он, сворачивая на Манежную площадь. – Раньше мы считали, что вот-вот не сбудется очередное предсказание этой гадалки и все страхи Ларисы лопнут сами собой. Поэтому мы не мешали ей пойти к этому Бут-

ману и даже выпустили его в эмиграцию... Ты это... Ты купи себе только какой-нибудь дешевый чемоданчик, зубную щетку, ну и какие-нибудь тряпки...

– А косметику?

– Ну и косметику...

– А вы хоть имеете представление, сколько стоит косметика?

– Да тебе вообще положено суточных 2 рубля 68 копеек в день! – разозлился он. – Скажи спасибо, что тебя по спецфонду оформили! А то – «Я никуда не поеду! Кто вы такой?» Вот и прилетела без ничего!

– Лучше расскажите, как вы проворонили эту американку!

– Не мы, а я, я! – сразу поник Гольдин. И выругал себя: – Полный дурак!!! – Он в сердцах швырнул за окно окурков и тут же достал из кармана пачку сигарет и зажигалку. – Но кто мог подумать, что ее нужно охранять?! Кому она нужна?! Мы даже поселили ее в номер без подслушивающей аппаратуры! Все равно Лариса собиралась быть с ней все время!..

– Значит – КГБ? – полуспросила я.

Он закрутил головой:

– Невозможно!

– Почему?

Он посмотрел на меня оценивающе, потом вздохнул:

– Придется тебя посвящать. Коротко ситуация такая: Лариса уже давно ищет повод, чтобы снять Чебрикова. Она на

него зуб имеет за эти видеокассеты – ну, она тебе говорила, я слышал. Так вот, именно поэтому Чебриков ни за что бы не тронул эту гадалку – чтобы не связываться с Ларисой! Ельцин, как ты знаешь, сгорел на конфликте с ней...

– Значит, это не сплетни? Я слышала, что она вмешивалась в работу Ельцина. Значит, это не сплетни?

Борис Ельцин был секретарем Московского горкома партии и сторонником перестройки, но, по слухам, Лариса так доставала его своими телефонными звонками, что он сказал об этом на Пленуме ЦК.

И – слетел с должности.

– Не сплетни, не сплетни, – подтвердил Гольдин, нервно нажимая на сигнал, поскольку мы застряли в пробке на улице имени 25 октября. – Ты же видела, как она Власова достает! А Чебриков даже в Китай удрал от ее звонков! Поэтому я считаю: КГБ эту гадалку похитить не мог, ведь первое подозрение – на них! К тому же, если бы они готовили покушение на Горячевых, они бы просто не пустили эту гадалку в страну! Затянули бы с визой, задержали на таможне... Ну поехали, поехали, мать вашу!.. Ты подумай: какой смысл гэбэ дать Ларисе встретиться с гадалкой, а только потом ее убрать?

– Но кто же мог ее похитить? Или вы, или они. Третьей силы у нас нет. А может, армия?

– Не смей меня! Откуда в армии могут знать, что к Ларисе прилетает какая-то гадалка? А кроме того, Вязов, министр обороны, – это человек Горячева, как Власов.

– Но кто же тогда?! Не могла же эта американка сама исчезнуть!

– В том-то и загадка!

– Но вы ее ищете?

– Я – нет. Я охраняю Горячеву. Но все министерство на ногах, МУР третьи сутки не спит! А Власов берет на себя все Ларисины звонки, чтобы люди могли спокойно работать. Иначе она всех замордует – просто редкий мастер настраивать против себя людей. Всех! Но приходится терпеть – ради Михаила Сергеевича! Он нам нужен...

– Ну, я и влипла! А может, ее выкрало ЦРУ?

Затянувшись уже крошечным у фильтра остатком сигареты, Гольдин посмотрел на меня с интересом. Так смотрят на идиотов, которые утверждают, что они Спинозы. Тем не менее он сказал:

– Теоретически все возможно... – И остановил «Волгу» в переулке Сапунова возле тыльного входа в ГУМ. – Прошу вас, мадам Бонд...

Теперь, стоя в дверях зала демонстрации мод Центрального Дома моделей, я в ожидании Горячевой еще и еще раз взвешивала все, что слышала от Власова и этого еврея Гольдина, а главное – то, как они это говорили. Верить им или не верить? Действительно, если бы КГБ готовил покушение на Горячевых, то они бы не впустили эту гадалку в Москву. Это ясно. Но, с другой стороны, кто еще, кроме КГБ и МВД, мог знать о приезде этой американки и выкрасть ее прямо

из гостиницы? Значит... Значит, Власов и Гольдин меня дурчат. Это они похитили гадалку, например, чтобы довести Ларису до нервного срыва и засунуть ее в психбольницу... А что? Ведь сказал же Гольдин, что ее все ненавидят. А может, и сам Горячев замешан в этой интриге, чтобы избавиться от старой жены?..

Но в том-то и дело, что интуитивно я уже поверила Гольдину – это не они похитили американку. Да, при этом я твердила себе: стоп, почему ты должна верить этому жиденку на слово? Но есть же у меня профессиональная интуиция! И эта интуиция мне твердила: Гольдин не врет. Но тогда ничего не получалось! КГБ не похищал американку, МВД – тоже. Стоп, начнем с другого конца: на кого я работаю – на Горячеву или на Власова? Вот вопрос, который нужно наконец решить! Если на Горячеву, то я не должна верить ни единому слову ни Гольдина, ни Власова. И не важно, что этот Гольдин говорит так искренне. Евреи – они все умеют, в душу влезут – не успеешь и глазом моргнуть. Итак, вот версия: Горячев хочет избавиться от жены, довести ее до психбольницы, и Власов с Гольдиным выполняют его задание... Но стоп! По этой версии логично, чтобы Горячев, если он не верит ни в какие предсказания, сидел в Крыму, в отпуске и дал Власову и Гольдину возможность довести Ларису до эпилепсии. А он прилетает. Значит, опять у меня неувязка...

Так, кружась по лабиринту мыслей и все больше раздражаясь собственной тупостью, я простояла в тени, у двери за-

ла демонстрации мод, почти до обеденного перерыва. А что, если, не мудрствуя, начать работать на Власова и на Ларису, а там будет видно! И – найти бы эту американку! Если верить Гольдину, весь Московский уголовный розыск, самые опытные муровские волки вот уже трое суток ищут эту пропавшую американку, а я вместо того, чтобы быть с ними, торчу в этом Доме моделей! И жду! Тупо жду. А Лариса ведет себя вовсе не как психопатка, а как деловая, выдержанная, спокойная женщина...

Все. Кажется, они закончили: Лариса встает и эта толстая немка тоже. Обе идут в мою сторону, к выходу. Внимание, Анька!

Но...

Лариса прошла мимо меня. Я чуть выступила из тени, но взгляд Горячевой скользнул по мне, не задерживаясь, и она прошла в дверь, немка предупредительно уступила ей дорогу.

Черт возьми, у меня нет иного выхода:

– Лариса Максимовна!

Она повернула голову в мою сторону, мы встретились глазами, и, могу поклясться всем, чем хотите, она меня узнала! Но даже тени улыбки – я уж не говорю радости – не возникло в ее серых глазах. Так смотрят на пустое место или на случайного прохожего, который окликнул вас, явно обознавшись. Отвернувшись, Горячева прошла в дверь...

Я обалдела и выматерилась. Вот те раз! Еще вчера она ры-

дала на моем лежаке в Полтаве и умоляла меня помочь ей, а сегодня даже не хочет узнавать! Ну?! И только потому, что я по первому ее слову не бросилась служить ей, словно собака, которую спускают на зайца! Да, не бросилась! А попросила время подумать! Но вот я прилетела, все бросила и прилетела, и меня, как кобылу на ярмарке, щупали глазами Власов и Гольдин – тоже из-за нее, Горячевой! А она! Японский бог! Народ голодает, четверть населения живет в нищете, дети мрут от материнской дистрофии, а эта Горячева модами занимается! Ладно, оставим эту лирику, но меня же на Таймыр сошлют, если я к ней не завербуюсь...

Я выскочила в коридор. И увидела, что обе они – Шитке и Горячева – свернули к женскому туалету. Я поспешила за ними, но тут какие-то рабочие потащили мне навстречу длинную вешалку с мужской одеждой, пришлось переждать, и, когда я зашла в туалет, они обе уже заперлись в кабинках.

Я подошла к зеркалу, сделала вид, что поправляю косметику на лице. Характерный журчащий звук послышался из крайней кабинки слева, и я чуть не расхохоталась – Гольдин, который сидит сейчас с наушниками где-нибудь неподалеку от Дома моделей, вынужден слушать даже это!

Потом дверца этой левой кабинки открылась, из нее вышла усатая Шитке, на ходу застегивая боковой крючок юбки. Тщательно вымыв руки (я все это время делала вид, что крашу губы бесцветной помадой), она неприязненно понюхала воздух, покосилась на закрытую дверку средней кабин-

ки и сказала:

– Лариса Максимовна, я буду ждать вас внизу, в холле...

– Хорошо... – ответил голос Горячевой.

Достав из сумки пачку немецких сигарет, Шитке вышла, а я нарочно включила воду, чтобы шумом предупредить Горячеву о том, что она здесь не одна. Зачем мне ставить ее в неловкое положение? Ведь она мне нужна... Я мыла руки, когда она вышла из кабинки. Мы встретились взглядами в зеркале. Она нахмурилась, поняв, что я так просто не отстану и разговора со мной не избежать.

Круто повернувшись, она молча прошла вдоль кабинок, открывая каждую дверцу. Все четыре кабинки оказались пустыми. Мы были наедине в туалете, если, конечно, не считать микрофона в каблуке ее новых бежевых туфель...

– Как вы меня нашли? – Горячева подошла к зеркалу, стала мыть руки под краном.

Ответ на этот вопрос был у меня заготовлен.

– Вы сказали вчера, что являетесь членом Детского и Культурного фондов. Я была и там и там, хотела попасть к вам на прием. В Детском фонде секретарша сказала, что сегодня вы здесь.

И я честно посмотрела ей в глаза – все, что я сказала, было чистой правдой: Гольдин сам привез меня сначала в Культурный, а потом в Детский фонд. Конечно, он прекрасно знал, где находится Горячева, его люди дежурили у Дома моделей еще с утра, но мне-то полагалось самой отыскать в

Москве Горячеву.

– Обо мне не дают сведений кому попало, – сухо сказала Горячева.

– Да, – ответила я. – В Культурном фонде мне ничего не сказали. Поэтому в Детский я явилась в своей милицейской форме и с засургученным пакетом. Как будто я от министра Власова и должна вручить вам пакет лично и срочно... Ну а они сказали, что вы здесь.

Она продолжала смотреть мне в глаза острым, буравящим взглядом. Но я и не такие выдерживала взгляды!

– А где ваша форма? – Горячева прошлась глазами по моему наряду – юбка и дешевая кофточка из сатина, отороченная тесьмой, – советское производство, только что из ГУМа, но такими бездарными кофточками завалены не только московские магазины, а даже сельпо в Хороле и Диканьке.

– Моя форма? В чемодане...

– В чемодане – где?

– Внизу, в раздевалке...

Мышцы Ларисино лица чуть ослабли – я выиграла первый раунд!

Гольдин и тут оказался прав, когда сказал, чтобы я притащила в Дом моделей свой чемодан. «Психи втройне подозрительны, – внушал он мне. – Поэтому Ларисе ни к чему знать, что ты летела самолетом и ночевала в „Золотом колесе“. В Москве устроиться в гостиницу можно только по брони или по большому благу! Нет, ты приехала самым деше-

вым поездом сегодня, в 8 утра, на Киевский вокзал. И сразу – в Культурный фонд. С чемоданом, как провинциалка...»

И – он оказался прав, этот предусмотрительный еврейчик!

Но все-таки в глазах у Ларисы было еще недоверие.

– Почему вы решили принять мое предложение?

– Потому что вы назвали меня душой, – сказала я и впервые улыбнулась.

Горячева удивленно округлила брови.

Я объяснила:

– Только дура может отказаться от такого шанса выско-
чить из провинции.

– Гм! – хмыкнула она с удивлением. – Хотя бы честно!

И я поняла, что выиграла. Материалистка до кончиков ногтей, она никогда бы не поверила, что меня растрогали ее слезы или что я настолько поддерживаю политику ее мужа, что готова ради этого сражаться с МВД, КГБ или другими заговорщиками. Но зато в маленькую эгоистическую выгоду, которую сулит мне это дело, она поверила сразу, без колебаний. А то, что я так нагло, в упор и заранее выставляю свой счет за будущую работу, – это лишь укрепило ее доверие ко мне. Так какая же она психбольная?!

13.15

– Блузки... Свитера... Юбки... Еще блузки... Деловые пиджаки... Снова юбки... Туфли!

«О нет, – подумала я, – только не туфли!»

Длиннющая комната-гардеробная была больше похожа на склад женской одежды. Лариса шла вдоль вешалок, говоря:

– Какого черта ты должна что-то покупать, когда у нас с тобой один размер? Возьми вот этот пиджак, это из Парижа! И эту юбку – смотри на ярлык: «Пьер Карден», ненадеванная...

Она показывала мне свой королевский гардероб с нарочитой небрежностью, но в каждом ее жесте сквозило чисто женское хвастовство. А я невольно сравнивала эту кладовую со своей каморкой. Даже простая гардеробная у Ларисы больше всей моей «квартиры» в Полтаве! А дом уже и сравнивать не приходится! Большой двухэтажный особняк на Ленинских горах, за окнами – парк и вид на Москву-реку и на весь город. Охрана, прислуга, садовник, повар. Под окном среди деревьев – гамак, детская карусель, какие-то яркие импортные детские автомобили и паровозы чуть ли не в натуральную величину – для двух внуков Горячевых.

Ну, конечно, самым сильным ударом по моему женскому сердцу были Ларисины шубы. Господи, ну как тут не выма-

териться! Целая стена в гардеробной занята только шубами: короткая шубка из темно-коричневой норки... длиннополая из огненно-рыжей лисы... еще одна из серебристо-голубых соболей... опять короткая из золотого каракуля, пелерина из горносталя!..

Да, чем дальше я шла вдоль этой выставки, тем меньше у нее оставалось шансов на мою преданность. Но она словно вдруг прочла это на моем лице.

– Завидно, да? – сказала она с усмешкой и остановилась: – Скажи честно, завидно?

– Ну-у-у... – протянула я неопределенно.

– Конечно, завидно. Я сама иногда думаю: елки-палки, Лариска, – ты же императрица! Соболя, горностаи! Только, Аня, хочешь – верь, хочешь – нет, но если бы мне заново родиться... Ну что эти соболя? Стоишь в них на приемах, как вешалка. Муж хоть делом занят: переговоры, разоружение, займы. Хаммер, Рейган, Коль, Миттеран. А я? Развлекаю президентских жен! «Хау ар ю, как ваш внук? У него прошла простуда?» А слово не так скажешь или шагнешь не туда – газеты такое распишут! «Лариса отказалась пить чай у Нэнси Рейган! Холодная война!» Ужас! Ведь мы с мужем – первая цивилизованная кремлевская пара! Нашей стране за это миллиардные займы дают! А в России это понимают? Ни черта! «Ах, Лариса опять прилетела в Америку в новой шубе!» Да гори они огнем, эти шубы! Я на Алтае родилась, там охотники таких соболей мешками в сараях держат! Что

я ишу? Ах да, плащ для тебя!..

– Лариса Максимовна, нам нужно поговорить.

– А все эти встречи с трудящимися! – громко продолжала она, рыская по вешалкам с шубами, пальто, плащами и словно не слыша меня. – Стоять возле мужа и молчать. Что бы ни происходило – ничего на лице! Какой-нибудь идиот кричит Михаилу, что жрать нечего, а ты переживай: найдется муж что ответить или нет? А толпа на тебя глазеет, и все тебя ненавидят за то, что ты не стоишь в очереди за колбасой! Как будто мы виноваты, что страной семьдесят лет правили бандиты...

– Лариса Максимовна, нам нужно о деле... – снова перебила я, видя, что она заводится и вот-вот перейдет на крик.

Но ее невозможно было остановить, она уже швыряла одежду с вешалок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.